

Промысловое устройство

Прозорли Тюрин Арнон Буверико

16+

АНТОН ЗИНЧЕНКО

Противостояние империй

«Автор»

2018

Зинченко А. С.

Противостояние империй / А. С. Зинченко — «Автор», 2018

История рассказывает о мире, где за выживание борются несколько рас. Здесь есть место уважению и великим подвигам, дружбе и предательству, тайнам и интригам. Открывайте книгу и погружайтесь в историю, в самом начале которой молодой король отправляется в путешествие по своим владениям, где становится свидетелем коварного заговора древних рас. Удастся ли ему расплести сети интриг и победить опасных врагов, выйти победителем или проигравшим? Вы узнаете на страницах книги. В Оформление обложки использовано изображение автора "Евгений Кунгур", написанное для данной книги.

© Зинченко А. С., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть 1	5
Недоимки	5
Поездка к Д'Ассо	9
Заседание малого совета	20
Совет высоких	24
Разговор по душам	29
Пленник	32
Место под солнцем	37
Хороший повод	42
Доклад Дзынитеру	46
Шахтер Гибби	47
Отбор кандидатов для работы	49
Новый караван	54
Выгодные связи	56
Хранитель короны	58
Одинокий путник	66
Тайное общество	71
Дозор	72
Утро на болоте	74
Невыполненный приказ	75
Болотный город	76
Сделать дело или умереть	78
Странные путники	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Антон Зинченко, Григорий Тюнин

Противостояние империй

Часть 1

Недоимки

Король Вариан пребывал в ярости. Пылающий взор желтых глаз сверлил невозмутимого, тощего сенешаля.

– Как нет денег на оснащение королевской гвардии? Куда они делись?! Я закладывал казну с начала года! – Вариан потрясал пергаментом у носа советника. – Налоги собрали по плану, ничего лишнего не делали! Где деньги?!

– Возросли расходы, милорд. – Голос слуги тих и спокоен, точно болотная вода, под стать облику.

– Гномьи преисподние! Тащи разноску по расходам. Я лично разберусь.

– Извольте, ваша милость.

Тугой свиток тонко выделанной кожи бесшумно появился из обширного рукава потрепанной мантии советника. Король недоверчиво покосился на сенешаля, словно на фокусника (или того хуже – мага), но свиток принял.

Нервным движением монарх развернул длинную рукопись на мощной столешнице каменного дерева, мед лучей восходящего светила озарил ровные ряды мелких скупых цифр.

– Гномьи каверны! Ллойс! Еще мельче написать не мог?!

– Простите милорд, я исправлюсь.

Король метнул в сенешаля испепеляющий взгляд. Ллойс никогда не «подсказывал» собеседникам, когда шутит, а когда говорит на полном серьезе. Никто из ныне живущих не видел советника смеющимся.

Молодой монарх водил по убористым цифрам перстом.

– Понятно, это по плану. Тут ты сэкономил, молодец, Ллойс. А это что? Процент гномьим банкам?! Вот грабители в законе! Пора с ними что-то делать. Не платить нельзя. У них все феодалы на коротком поводке. Помощь пострадавшим от орочьих набегов. Так, так, – палец скользил по каллиграфически выведенным столбикам, и чело короля мрачнело все больше. – А это не учли, и это. Ах, глубинные твари их сожри! А это что за цифра? Почтовые расходы? Кому мы столько писали? Еще и подставными скорыми пересылали?!

– Не мы, ваша милость. Это пресвятая церковь, да пребудет ее благодать над нами вечно.

– А почему за нее платим мы?! Да еще столько денег!

– Согласно уложению от тысяча...

– Молчи! Молчи, Ллойс! Пока я не сослал тебя на север! Коль скоро мы платим за них, покажи-ка, кому они столько строчили...

– Я предвидел этот вопрос, милорд. Вы, как всегда, зрите в корень. Извольте взглянуть.

На стол лег свиток более скромного размера.

Монарх пробежался по теснившимся столбикам.

– Ей-богу, Ллойс, с тобой мы вернемся к глиняным табличкам! Пиши крупнее. Мы настолько бедны, что не можем позволить себе пергамент? Я ослепну от закорючек, – проворчал молодой монарх. – Смотри. Всем пишут по три-четыре письма в год. Видимо, напоминания о десятинах, поздравления с праздниками и все такое. И суммы хоть и разные, что объясняется удаленностью от резиденции ордена, но вполне сопоставимы... Вот группка сеньоров, ведущих

переписку с церковью. Ишь, грамотеи... Впрочем, не сильно злоупотребляют. А этот барончик, Д'Ассо. Ему инквизиция шлет письма, чуть ли не каждый месяц... Он еще так далеко живет. На юго-востоке. Пограничные земли. Эльфы его, что ли, в ересь склонили? Ну, тогда бы переписки не было. Приехал бы Утер и все спалил. Что-то тут нечисто!..

– В общем, так! – Король распрямылся, устремив острый, как лезвие меча, взор на сенешаля. – Коль скоро у нас все равно нет средств на модернизацию моей гвардии, мы поедем к этому Д'Ассо и разберемся, что там к чему! Ллойс, найди мне повод. И, желательнее, недомки с этого барончика. – Венценосный монарх криво ухмыльнулся и хлопнул по столешнице дорогим кинжалом, прижимавшим край свитка. – Заодно и отдаленные земли посетим, совместив приятное с полезным.

– Слушаюсь, милорд, – тихим, бесцветным голосом отвечал слуга.

Вариан занял место на жестком резном стуле. Желая немного сбросить напряжение, король сменил тему:

– Что там от Рофура? Как идет утверждение изобретения? Как там оно называется? Небесный пузырь, кажется? До чего смешное название, право слово. Штука и впрямь обещает быть заманчивой. Подумать только! Подняться в небеса! Посмотреть на летящего орла сверху вниз! Это же чудо, Ллойс!

– Боюсь разочаровать вашу милость. Это ересь. Именно так обозначила инквизиция в своей булле. Ваш бывший наставник Утер требует к себе мятежного гнома для, хм, просветительской беседы. Он уверен: изобретателя можно вернуть в лоно пресвятой церкви, да снизойдет ее благодать на нас.

Монарх побагровел.

– Опять! – вскричал он. – В гномьи глубины Утера Рофура я не отдам! Карраг их возьми! Только появляется стоящая вещь, инквизиция накладывает на нее запрет! Проклятье!

Высочайший монарх в гневе хватил кулаком по полированной столешнице.

В массивную дубовую дверь, окованную вороненым железом, решительно постучали. Словно дюжий кузнец решил опробовать молот.

Добраться до двери без ведома короля, без доклада, да еще и так стучать в дверь, когда его величество занят, мог только сэр Утер – несравненный Молот Колдунов, гроза разбойников и карающая десница пресвятой инквизиции.

– Входи, Утер! Входи! Мы уже не заняты, – крикнул монарх.

Резко и широко распахнулась толстенная дверь, и на пороге возник здоровенный северянин. Медовые волосы с изрядно уже пробившейся сединой волнами ниспадали на плечи. Пышные рыжеватые усы на гладко выбритом по старинной моде лице были заплетены в косички и туго стянуты хитрыми золотыми бусинами на концах. Небесно-голубые глаза смотрели прямо и открыто. Мощная челюсть, которой, казалось, можно вышибать ворота, была надменно вздернута. Словно бы высеченное из цельного куска гранита простое, строгое и грубое лицо вдруг озарилось мягким внутренним солнцем. Решительные и угловатые черты сгладились – гигант расплылся в радостной улыбке. Словно ребенок, увидевший свежую сдобную булку.

– Вариан! Мальчик мой! – Пара чугуновых столбов рук распахнулась, словно створки замковых ворот, обнажая выпуклую броню груди.

– Утер! – воскликнул со смехом король. – Сколько весен!

Высочайший монарх под невозмутимым взглядом сенешаля крепко обнял старого наставника. В наступившей тишине звякнули звенья кольчуги, приглушенно хрустнули кости монарха. Юный король закашлялся.

– А ты, я смотрю, так и не научился соизмерять силу, – хрипло хохотнул он.

– Прости, мой мальчик! – прогудел здоровяк. – Как же давно мы не виделись! Почти с самой коронации.

– Да, Утер. Как дела на юге? – спросил, отстраняясь, король. – Всем оркам бока намял? Или кто-то успел бежать? – весело подмигнул венценосный воспитанник.

– Нет, скрестить оружие с орками мне не довелось. Даже жаль немного – говорят, они могучие бойцы. И что удумали! Выбивают сеньора с гарнизоном. Рушат крепость, уводят замковую живность и уходят! Народ начинает роптать: лучше без сеньора жить. Какой от него толк, если не может обороняться? А простой люд орки не трогают. Им, конечно, невдомек: не будь сеньора – орки будут грабить их. Твари живут войной. Им неинтересно сражаться с селянами. Их интересуют только войны. Оттого-то постоянно и грызутся меж собой...

Утер надолго замолчал, словно перебирал какие-то ценные воспоминания или решал сложную задачу.

– Местные лорды не в силах содержать достаточно большой отряд. Чуть замок приобретет осадные орудия получше да стены повыше, на него, точно на мед, летят эти шайки! – Северянин в сердцах стукнул кулаком о ладонь. Любой молотобоец позавидовал бы такому удару. – Но мы туда не за этим ездили. Пресвятая инквизиция, да пребудет ее благоволение над нами до конца наших дней, направила нас усмирять местных колдунов.

– Опять за юбками гонялся, – махнул рукой Вариан, – ведьмочки да жалкие знахари...

– Не смей шутить о том, в чем ничего не смыслишь. – В голосе инквизитора зазвучала фанатичная сталь. – Как твой бывший наставник и рыцарь...

– Утер! Я уже давно король. И не подчиняюсь тебе. Твой пленец вырос, – оборвал его Вариан.

На внушительной челюсти Молота Колдунов взыграли желваки, на лбу залегла упрямая и строгая складка.

– Да, милорд. В общем, влияние нашей церкви там крайне слабо. Орки всегда с особым цинизмом расправляются со всеми ее проявлениями на этой территории. Сжигают монастыри, рушат храмы. Разрывают на куски священников. Оттого зараза колдовства и поднимает там голову с упрямством сорной травы. Тамошние маги набирают мощь и учатся использовать дьявольскую силу. Если б не наш орден и не инквизиция в целом, они бы уже давно там обратили всех к дьяволу и захватили бы все королевство!

– Что ж, Утер, весьма занятно. – Вариан жестом пригласил инквизитора присаживаться, а сам занял высокое резное кресло. – Но порой мне кажется, что вы там в своей инквизиции... Как бы это сказать... Перегибаете лук. Вот взять, например, последний патент, что поступил к нам не так давно. Этот, – король сделал неопределенный жест рукой, словно пытаясь ухватить в воздухе правильное слово, – небесный пузырь... Ведь какая была бы польза королевству от него! Какие перспективы! Ты только подумай...

– Это ересь! – Утер хлопнул пудовым кулаком по подлокотнику. Но столетняя лиственница все-таки выдержала. – Люди должны ходить по земле! Что будет, если птицы вдруг вздумают плавать, а рыбы летать? Мой мальчик, – лед северных глаз со строгой отеческой прямоотой уперся в янтарь королевских очей, – Бог создал этот мир и наделил его определенным порядком. И каждый, кто пытается его нарушить, – слуга Зла! Зло всегда обещает что-то заманчивое. Силу, власть, новые возможности... Но оно обманет и поработит душу! Я верю, его заблудшую душу еще можно вернуть в лоно церкви. Несмотря на то что он наполовину гном. Я знаю, Вариан, ты поддерживаешь с ним связь. И как мой бывший воспитанник...

– Уверяю тебя, Утер, ни как бывший воспитанник, ни как король я не знаю, где автор данного прошения!

Северянин сокрушенно покачал головой. На миг сквозь фанатичную сталь его облика проглянул уставший немолодой мужчина. Но уже через миг Молот Колдунов снова взял верх:

– Что ж! Надеюсь, ты почтишь нас присутствием на сегодняшней службе. И окажешь мне честь, как в старые добрые времена, скрестить оружие в тренировочном поединке.

Похолодевший монарх вновь широко улыбнулся. Застывший в твердый камень янтарь его глаз обратился в мягкие чайные волны:

– Конечно, наставник. – И он хлопнул северянина по плечу.

– Мое почтение, милорд! – Воин инквизиции вновь вырос, точно утес, над столом, тепло, по-отечески, улыбнулся и покинул кабинет.

– Отлично, Ллойс! Приготовь мне планируемую сумму поступлений в казну на следующий год. Сверстаем бюджет в пути. И отмени турнир в честь Нового года. Мне нужны деньги на модернизацию гвардии!

– Милорд, – тихо заметил сенешаль. – Это может вызвать недовольство вассалов.

– В письме с извинениями укажи причину и предложи внести им дополнительно средства на турнир. Хватит уже пировать за счет короны!

Поездка к Д'Ассо

На закрытой праздничной службе присутствовали лишь инквизиторы – белые рыцари пресвятой церкви да король с небольшой свитой. Вездесущий Ллойс на этот раз на службу не пошел. Во-первых, ему необходимо было подготовить свитки для господина; во-вторых, отдать распоряжения относительно дороги. Ллойс всегда готовился загодя.

И в-третьих, он не жаловал рыцарей.

Вел службу сам Настоятель – высшее лицо пресвятой церкви Единого. В праздничной речи он высоко оценил, что Сын Единого Бога – сам Вариан – осчастливил всех присутствием; отметил, что его возлюбленные дети-эзекуторы вернулись из трудного похода и тем порадовали его и Бога.

Король слушал плавную, напевную, с каким-то особым, чуть уловимым акцентом, речь Настоятеля. Разглядывал богатые шелковые белые одежды, густо украшенные кружевами, мерцающими в пламени тысячи свечей рубинами, униженный жемчугом ворот и перламутровые накладки. Смотрел на гладкое безмятежное лицо главы церкви, коль скоро лишь королю и белому рыцарству позволено смотреть в глаза Настоятелю.

«Удивительно, сколь гладкое и безмятежное лицо... А ведь он служил еще при моем отце. Сколь чиста и напевна его речь. Как легко он складывает слова. Есть в нем что-то не от рода людского. Воистину Единый особо печется о нем. Что ж, был бы он еще так же милостив к единственному своему сыну... К предыдущему он был вовсе не так щедр», – Вариан заслушался стройным пением инквизиторов, облаченных в парадные блистающие латы, и позволил мыслям медленно, бесконтрольно течь на волнах их ангельского пения.

Возглавлял хор сам Утер. Его густой бас уверенно вел мелодию. Ряды закованных в броню воинов за его могучей спиной стояли, точно оловянные солдатики. Большая часть – уроженцы севера. Но были и из других земель. Вариан заметил даже пару смуглых, кучерявых и черноволосых южан. Воины старательно выводили мелодию. Помнить все службы наизусть и уметь их красиво спеть было первейшей обязанностью белого рыцаря. Даже перед битвой, перед лицом яростного и беспощадного врага, палadini – защитники веры становились на одно колено, обнажали головы и пели службу. И горе тому врагу, кто не успевал настичь их в этот момент.

Белое рыцарство, пожалуй, самое организованное и боеспособное подразделение во всем королевстве. Поспорить с ним могла только гвардия короля, и только за счет количества и разных специализированных родов войск. Их фанатичное рвение не раз позволяло обращать в паническое бегство многократно превосходящие силы.

Казалось, сам Бог благоволил защитникам церкви. В их рядах часто случались святые стигматы. Многие воины умели лечить силой молитвы или руконаложением. Иным братьям была дарована «стальная кожа». Силы Единого Бога делали кожу бойцов непробиваемой для обычного оружия во время боя. В своем фанатичном рвении такие бойцы рвали на себе стальные доспехи, точно гнилые тряпки, и по пояс голыми вступали в битву.

Размышляя, зачем церкви самое мощное войско в королевстве, Вариан пропустил, как закончилась служба и на помост взошел Утер. Инквизиторы преклонили колени. Монарх, как и полагалось, остался стоять.

– Дети мои! – Густой бас северянина, многократно отражаясь от высоких беленых сводов, заставлял вибрировать тела и сердца людей. Лыдистые голубые глаза лучились теплом летнего неба. – Я счастлив, что Единый даровал мне такой шанс – защищать веру и наш народ от скверны! Сегодня, в день, когда мы возвратились из многотрудного похода с южных рубежей, нам выпала двойная честь! Торжественные литании отслужил вместе с нами сам

Настоятель, и кроме того, на службе присутствовал сам сын Единого Бога на земле – славный Вариан, король всех земель, заселенных людьми! Как наш бывший соратник и мой воспитанник, сегодня он преломит с нами хлеб и разделит труд тренировки. Мои возлюбленные дети! Защищайте слабых, служите человечеству, никогда не отступайте от веры, ибо Зло сильно и коварно! Начнем же трапезу.

Вариан криво ухмыльнулся: Утер как был плохим оратором, так им и остался. Ну что ж, зато эти слова были сказаны от всего сердца, выражали сущность Молота Колдунов.

Ужин был скромным, как и полагается служителям церкви и аскетам. Вареная говядина, довольно постная. Луковый суп, жесткий сыр да вода, лишь слегка подкрашенная вином. Ели молча и сосредоточенно. Король знал, что сейчас братья читают молитвы, призывают Единого, чтобы даровал силы вынести тренировку. Гонял Утер своих птенцов нещадно. Вариан как-то читал в библиотеке Ллойса развлекательную книгу одного путешественника. Он описывал неких птиц, живущих далеко на юге, нынче эти земли заселены орками. Эта птица была такая крупная, что не могла летать. И даже крылья у нее были не очень-то развиты. От хищников же она спасалась исключительно бегством. И отрастила для этих целей такие ноги, что даже на лошади ее догнать не представлялось возможным. Король криво ухмыльнулся, вспомнив несуразный рисунок птицы с голой длинной шеей и огромными мускулистыми ногами и малорослого полуголого чернокожего аборигена, сидящего на ней с копьем в руках.

«Если Утер называет своих подопечных птенцами, то вырастает из них, несомненно, что-то вроде этих птиц, – подумалось ему. – Уж Молот Колдунов-то, с выматывающими душу тренировками, позаботится об этом.

Как бы ни была жестка старая говядина, а все же молодые сильные челюсти справились с ней довольно быстро. Действуя, словно муравьи, и подчиняясь каким-то неведомым ритмам, рыцари расчистили место для боев, расставляя столы вдоль стен.

Утер возгласил игру «Прибой». Особо нелюбимая игра Вариана. Но делать нечего. На тренировке Молот Колдунов – царь и бог. И, уж конечно, он поставил бывшего птенца в свою команду.

Команда Утера, не превышающая и десяти бойцов, стала в плотное кольцо, выставив вперед щиты. Сам Молот Колдунов встал в центре, чтобы быстро занять брешь, когда одного из бойцов выбьют. Страшный тяжелый молот он одел в чехол, туго набитый конским волосом, чтобы оружие стало хоть чуточку менее смертоносным. Остальные члены ордена взяли обороняющихся в плотное кольцо в несколько рядов. Нападающие слитно и мощно пришли в движение, точно водоворот, кружа вокруг команды Утера.

Резко и отрывисто, точно лай, прозвучала команда невидимого лидера, и белые рыцари, точно голодные львы, набросились на защищающихся. На секунду все смешалось: лязг железа, треск ломающегося дерева, грохот щитов. Крики боли и неистовства. И вновь железная лава отхлынула и закружилась. Несколько оглушенных рыцарей повалилось в центр круга, но и нападающие понесли потери. Кто сам отходил за спины, прихрамывая или придерживая поврежденную руку, кто-то, роняя рубиновые капли горячей крови, был вынесен из боя товарищами. И вновь стальной прибой несокрушимой стеной ударил в твердь щитов. Так, точно живая вода, нападающие выбивали бойцов одного за другим.

Вариан всей душой ненавидел стоять в щитовой обороне, когда нужно держать удар и прикрывать того парня. Его призванием были дерзкие вылазки и поединки. Отличительной особенностью королевской крови было мгновенное принятие решений. К тому же Вариан владел уймой трюков, которые могли выбить из колеи любого противника.

Раз за разом король сдерживал град ударов. Бил мечом, щитом, старался ловким пинком сломать нападающему ногу. Но с каждым новым натиском силы таяли, а ударов становилось все больше. Все длительнее, яростнее и свирепее был натиск врагов. Сгрудившись в кучу

вокруг могучего северянина, бойцы отчаянно отбивались от превосходящего числом противника.

Вариан получил тяжелый удар по шлему. Воздух наполнился оглушительным звоном, фигуры противников и шум битвы потонули в густом тумане. Оседая, король глянул влево. Почему соратник не прикрыл от коварного удара? Оказалось, тот и сам лежит на твердых каменных плитах, и противники уже бегут по нему, взламывая отчаянную оборону команды Утера.

Теряя сознание, король успел улыбнуться запекшимися губами:

– Сейчас начнется.

Молот Колдунов ревел белугой, сотрясая дорогое гномье стекло в узорчатой раме. Как всегда, в решающий момент битвы на него снизошла божественная благодать. Оружие врагов не могло поранить инквизитора. Сколь бы силен ни был удар и сколь бы ни было остро оружие. Оно всегда останавливалось на волосок от тела рыцаря и отскакивало от невидимой божественной брони. Сам воздух наполнился могучей силой и грозно гудел, как растревоженный улей! Едва заметное золотистое сияние окутало белого рыцаря, свивая тонкие, едва различимые светлые линии в сложный подвижный узор. Как древний голем, возвышался северянин над грудой оглушенных или раненых соратников.

– Ну! Налетайте, жалкие трусы! Сам Единый дарует мне силы, – победно и безумно хохотал Утер.

И послушное воинство вновь и вновь нападало. Верховный паладин, как котят, расшвыривал бойцов тяжелым молотом. Пробивал щиты, мял, как сусальное золото, доспехи. Но защитники веры не были глупцами. Повинуясь отрывистым командам, один рыцарь бросился сзади под ноги могучему бойцу, остальные же мощной волной навалились спереди и свалили великана, прижимая его к полу щитами. Все рыцари, еще стоявшие на ногах, навалились сверху, силясь удержать Молота Колдунов и переждать приступ божественной благодати. И сколь бы ни был могуч глава ордена, а все же сбросить с себя целую грудку с ног до головы закованных в сталь здоровенных рыцарей было не под силу.

Позже, перевязывая полученные раны подопечным, Утер высоко оценил выдумку палладинов. Вариан сидел молча, мысленно проклиная все на свете, голова нещадно болела. Желудок норовил вернуть съеденное назад. Все тело чесалось от едкого, соленого пота, но почесаться под жесткой стеганкой не было никакой возможности. Он просто сидел и ждал, пока какой-нибудь освободившийся брат-боец поможет ему раздоспешиться.

Наконец сам Утер помог Вариану разоблачиться. Молот Колдунов был доволен и бодр, несмотря на несколько царапин страшноватого вида на лице, все еще сочившихся кровью.

«Похоже, воспитанники приложили его напоследок в сердцах», – подумал Вариан и криво ухмыльнулся.

– Ты молодец, мой мальчик! Держался до самого конца! Я горжусь твоей стойкостью! Если б не королевская кровь, из тебя бы вышел славный защитник веры!

– Надеюсь, я буду не худшим королем, чем белым рыцарем, – ухмыльнулся Вариан.

– Если ты будешь хотя бы вполовину таким королем, как и воином, нашему королевству обеспечено процветание, – Утер хлопнул его по плечу, заставив скривиться от боли.

Глава ордена удалился оценивать урон, нанесенный инквизиции праздничной тренировкой, а обессиленный монарх откинулся на каменную стену, жесткую и холодную, мечтая лишь о теплой ванне и мягкой перине. Благо и то и другое было не за горами.

Спустя несколько дней Вариан с частью личной гвардии в сопровождении королевской свиты выдвинулся к замку Д'Ассо. Молодой монарх не брал с собой многочисленные обозы, не ездил в громоздких каретах, а, к вящему неудовольствию принимающей стороны, передвигался по-военному – верхом. Шатер, спальник, кое-какие необходимые в походе вещи да скромный запас простой пищи – вот и все, что брал с собой в дорогу король. Будто обычный

солдат, он ехал на равных в окружении простых гвардейцев. И только чуть более качественно выделанные доспехи да тонкий золотой зубчатый венец на шлеме отличал его от простых солдат.

Такая простота и неприхотливость не могли не пленить честных рубак. И люди выполняли долг столь же ревностно и рьяно, как самые профессиональные хирдманы гномов, что славятся дотошностью, упорством и нестигаемостью.

Д'Ассо, конечно, не был извещен о скором визите монарха. И когда Вариан появится на землях феодала, отряд короля войдет в замок практически на плечах разведки, объезжающей владения своего сеньора. Вариан рассчитывал застать вассала врасплох. Раньше этот фокус ему всегда удавался. Верховный властитель получил немало выгоды, используя его в каждой поездке, и овладел им в совершенстве.

Рядом с Варианом в простой, но добротной одежде, без доспехов и оружия ехал Ллойс. Он держался на диво уверенно. Да и седло он выбрал рыцарское, с высокой спинкой и массивными стременами. Как обычно, советник вел неспешную, тихую беседу с королем, время от времени подавая ему какие-то свитки, с ловкостью факира выуженные из обширных складок одеяния. Вариан перебирал свитки, хмурился и отдавал краткие указания. Вояки неодобрительно косились на советника и презрительно хмыкали в густые усы.

Незадолго до наступления темноты свита расположилась на небольшой разведанной авангардом поляне, со всех сторон окруженной темным бором. Хоть отряд и состоял из верховых, двигался он не так быстро, как легкие курьеры почтовой королевской службы. Тяжело навьюченные запасные лошади не выдерживали высокого темпа. И потому доехать до почтовой станции и заночевать под крышей отряд не мог. Впрочем, поздняя осень выдалась на удивление теплой. Небольшие, но добротные шерстяные шатры быстро нагревались даже от пламени нескольких свечей, надолго сохраняя тепло.

К тому времени, как лагерь был поставлен и разведен огонь, из леса вернулись фуражиры из числа авангардных всадников. Добытки сумели подстрелить косулю и насобирали грибов, так что дотоле постная каша превратилась в настоящее королевское кушанье.

Вариан долго разрабатывал устав и быт личной гвардии. Она была его детищем. Король взял самое лучшее и из эльфийских летучих отрядов, и из гномьего хирда, и даже несокрушимая орочья орда смогла кое-что дать лучшей армии людей.

В противоположность вассальным отрядам, в вечернее время все воинство по орочьему обычаю собиралось у одного большого костра. Все, от короля до простого ратника, ели пищу из общего котла. Обед, опять же в противоположность человеческой знати, не был временем принятия серьезных решений. Солдаты травили байки. Вариан и капитан гвардии гоготали над курьезами и выдумками вместе с солдатней. Лишь Ллойс, по своему обыкновению, сохранял каменное выражение лица и, как казалось, отрешенно смотрел на угли костра.

Набив желудки походной кашей и утолив жажду отваром древесных грибов с пахучими лесными травами, солдаты разошлись согласно дальнейшему распорядку. Ллойс же, Вариан и капитан отправились в шатер обсуждать дальнейший маршрут. Ллойс предлагал по пути навестить еще пару-тройку вассалов и даже подготовил документы с недоимками. Монарх, движимый любопытством и раздражением, настаивал на прямом пути. Десять дней отсрочки его просто бесили.

К тому же мог быть утрачен элемент неожиданности. Вдруг какой-нибудь феодальчик, принимающий высокого гостя, визнает конечную цель маршрута и решит сделать доброе дело, известив Д'Ассо? В таком случае почтовый курьер может на несколько дней опередить отряд. Капитану же было все равно. Но мягкая постель в замке и новые кабаки с молодыми горячими девками манили старого вояку. Он слушал монотонное гудение советника и горячие рубленные ответы монарха вполуха, гораздо больше прислушиваясь к ощущениям довольного желудка. Да и зачем? Завтра все равно скажут, куда держать путь.

Седмицу спустя пропыленный королевский отряд вступил под своды родового имени Д'Ассо. Как и многие удаленные от богатых камнем северных и западных земель, оплот этого сеньора был выполнен из дерева, коим изобиловали здешние места.

Вариан с удивлением разглядывал массивные деревянные стены. Восток был относительно мирным краем. Орки сюда не доходили. Соседи редко что-то делили и предпочитали улаживать дела миром или через королевский суд, нежели втягиваться в дорогостоящие военные авантюры. Так что укрепления были просты, а стража лениво дефилировала вдоль гребня стены, приспустив ремешки доспехов.

Проезжая по улочкам и любуясь затейливым деревянным зодчеством крестьян и ремесленников, король отметил общее благополучие края. Люди выглядели сытыми. Были одеты чисто и аккуратно. Даже крестьянские женщины носили украшения. Не всегда это были благородные металлы, многие украшали себя цветами и венками.

Особенно заинтересовали Вариана кокетливые молодые девушки, с любопытством постреливающие глазками на статных всадников в богатых доспехах. Они украшали себя жуками, блестящими на солнце, как драгоценные камни. Зелеными, красными, даже золотыми, круглыми или продолговатыми, соединяя их почти незаметным конским волосом в сложный витиеватый узор. Предприимчивый монарх сделал себе зарубочку привезти в столицу небольшой груз таких украшений. В богатом обрамлении, скрепленные золотыми и серебряными нитями, драгоценности приобретут совсем другой вид – и стоимость. Такой подарок из рук монарха может отметить особое расположение правителя.

Мужчины тоже не чурались украшений. В основном это была вышивка. Скромный, но яркий узор охватывал ворот, плечи и подол широкой рубахи, которую здесь носили навыпуск. И чем более богатым или статным был мужчина, тем этот узор охватывал большую площадь. Вариан улыбнулся – ну точно птица паулин из книги Ллойса.

А вот богатых поясов, в противоположность столице, тут не любили. Пояса носили тонкие. В основном кожаные или веревочные, поверх рубахи. Зато разнообразие всяких кисточек, бусинок и бахромы на концах, всевозможных узлов, заменяющих пряжки, било все рекорды.

При виде короля народ кланялся глубоко, но неспешно, сохраняя собственное достоинство. Люди не торопясь брели по деревянным мосткам, приподнятым над землей, не мешая всадникам и не рискуя запачкать или промочить ноги в случае дождя. Вариану очень понравилась эта идея, и он решил хотя бы за замковыми стенами воплотить ее в жизнь.

Больше всего его поразило то обстоятельство, что в городе – столице края за толстыми стенами каждый дом имел огороженный участок. Где-то крестьяне разбивали огороды и делали постройки для животных, где-то курилась кузница или слышался звук пилы. В то время как в его столице люди дрались за каждый метр, вгрызаясь в землю, точно гномы, или устремляясь ввысь, воздвигая каменных монстров по три или даже четыре этажа.

Вскоре домишки расступились – впереди показался холм, окруженный пересохшим и заросшим малиной да черемухой рвом и плотно оккупированный городской детворой. На вершине, за частоколом, высился двухэтажный рубленый замок Д'Ассо. Хотя деревянное сооружение с большими окнами, почти лишенное фортификационных сооружений, монарх никак не мог назвать замком.

Сквозь распахнутые ворота виднелось немногочисленное, но неплохо экипированное воинство. Оно было выстроено в парадный коридор, который венчал сам Д'Ассо с челядью, стоявший под массивным гербом, обвисшим в безветрии.

Юго-восток всегда отличался мягким благодатным климатом. То ли это была природная магия эльфов, то ли особое расположение. Но долгая зима в этих краях всегда наступала позже, а уходила раньше.

Барон имел низкое происхождение. Его предки, выходцы из крестьян, занимались каким-то ремеслом и сумели скопить денег. Их они ссудили своему сеньору накануне кампании

по усмирению одного из восставших вассалов. Сеньор весьма поиздержался в битве и потерял многих соратников, так и не усмирив бунтаря. А в уплату долга пожаловал титул и лен семье крестьян. Оказавшись у кормила, дед Д'Ассо проявил недюжинную хозяйскую смекалку и снял немало ренты со своих небольших земель, превратив захудалый край в важный торговый и ремесленный узел.

Отец Д'Ассо ссуживал деньги короне. И отец Вариана, в уплату долгов и видя хозяйственную жилку вассала, прозорливо даровал ему недавно освободившиеся, в ходе очередного эльфийского налета, восточные земли. По размеру новый лен едва был больше старого. Но климат и почва здесь куда как благоприятнее центральных регионов. Сам Д'Ассо себя пока ничем не проявил, но благосостояние его лена медленно и неуклонно повышалось.

Вариан выдвинулся вперед колонны. Капитан теперь ехал по правую руку от него, Ллойс – по левую. Знаменосец поднял стяг выше. Гвардия затрубила в боевые рога. В ответ заиграли невидимые за стенами трубы гарнизона – и над шпилем замка взвился королевский штандарт. Герб же Д'Ассо висел теперь ниже королевского, как бы признавая главенство первого. Отряд вступил под своды ворот, и монарх спешился перед низко склонившимся хозяином имения.

Барон был полноватым увальнем, жизнь которого уже перевалила за половину. Но мирное, теплое местечко, куда пристроил любимое чадо предприимчивый отец, надежно хранило счастливчика от лишних переживаний и невзгод. Его нечесаную густую черную шевелюру еще не тронула седина, а одутловатое лицо, носящее следы пристрастия к красному крепленому, еще не избородили морщины. Бородка у барона была редкой и клочковатой, зато нежной, как первые волосики малыша; он мужественно ее отращивал и смог добиться впечатляющих десяти сантиметров.

Одет барон был, по местным меркам, богато. Даже с претензией на щегольство. Просторная фиолетовая рубашка эльфийского шелка с вышивкой золотой нитью, красные шаровары. Лакированные сапоги со странно, по восточной моде, закрученными вверх острыми носками. И малиновый плащ.

Вариан даже призадумался, что это? Местный выверт моды? Известно же, что восточные – большие модники. Д'Ассо таким образом издевается? Барон совсем не имеет вкуса или его вообще не заботит собственный вид? Так и не найдя ответов на свои вопросы, король выбросил их из головы и возложил руки на плечи вассала в дружеском приветствии.

– Скорее встань с колен, верный мой слуга. Рад видеть тебя в добром здравии.

Испуганные маленькие черненькие глазки барона оживились и забегали.

– Ваша светлость! Какая честь для нас! Как жаль, что вы не известили о прибытии заранее, мы бы подготовили достойную вашего величия встречу! – залопотал Д'Ассо, но Вариан нетерпеливым жестом прервал его.

– Ничего не нужно. Я и мои люди устали с долгой дороги, ведь мы спешили к тебе прямым ходом из столицы, оставив все важные дела, – монарх решил с самого начала нагнать страха и оставить барончика мариноваться в собственном соку.

– Так что пусть сегодня будет просто тихий семейный ужин. Как вы обычно ужинаете, барон? Мы с советником Ллойсом, – широкий жест на неподвижную фигуру в сером, – с удовольствием присоединимся к вашему столу. А после неплохо было бы отмыться от дорожной пыли. Ведь не все дороги так ухожены, как в вашей столице. Гвардия разместится в казармах. Надеюсь, там достанет места?

Суетливый барончик, придавленный внезапным появлением короля, да еще с каким-то важным делом, ради которого он бросил столичные дела, только и сумел пробормотать:

– Да, милорд, сделаем в лучшем виде.

– Может, познакомишь меня со своей прекрасной благоверной?

Вариан бросил косой взгляд на невысокую даму, она, видимо, еще не совсем понимала, кто приехал, ибо отвесила монарху лишь вялый книксен.

«Эге, да наш пострел, кажется, удачно женился на наследстве», – подумалось молодому властителю.

– Да-да, конечно, милорд! Это моя супруга Берта, дочери Эльза и Бетель.

Молоденькие девочки-погодки, только начинающие расцветать, потупились и отвесили глубокий поклон. Щечки их тут же заалели.

– Мой младший и единственный сын Ульрих.

Чернявый, в отца, удалец лет шести от роду уже успел где-то запачкать парадный костюм, отороченный мехом рыжей лисы. Мальчик смело смотрел на Вариана, не до конца понимая, кто перед ним стоит.

– Какие милые девушки, завидные невесты. Все в мать, – тонко пошутил король.

Но хозяева замка приняли все за чистую монету. Дочери барона зарделись, баронесса снисходительно улыбнулась.

Монарх присел на корточки, потрепал кудрявую черную шевелюру юнца.

– Милый малыш. Ульрих... Редкое для здешних краев имя.

– Моя благоверная без ума от северных романов. Целую библиотеку собрала. Все бредит рыцарями, – махнул рукой хозяин замка.

– Вот как? – усмехнулся монарх.

«Хорошо, что хоть Утера с собой не взяли», – подумал про себя король.

– Что ж, прошу проходить! Я покажу ваши покои, где вы сможете привести себя в порядок к нашему скромному ужину.

Д'Ассо неожиданно устремился твердым шагом, выдающим немалую воинскую выучку, к мощным дубовым воротам с массивными коваными петлями. Вариан любезно предложил руку баронессе и затеял какую-то милую пустопорожнюю беседу. Дочери барона устремились за маменькой, изящно приподнимая подола длинных платьев. Ллойс тенью последовал за господином. А гвардия направилась в сторону казарм, предвкушая комфортный ночлег на кроватях и сытный ужин.

Несмотря на посредственные оборонные качества, замок Вариану понравился. Сухой, здоровый древесный дух смешивался с запахами пекарни. Большие окна давали много света. Король с тоской вспомнил родовой каменный замок с темными узкими коридорами.

Покои гостям достались и впрямь королевские. Просторная комната с огромной кроватью, рассчитанной не иначе, как на племенного быка. Была даже собственная уборная и прекрасно отполированная деревянная ванна из непромокаемой лиственницы. Перед небольшим, но хорошо сложенным камином лежала шкура северного оленя с таким густым мехом, что длинные волосы буквально стояли. Видимо, баронесса любила не только северные романы... Впрочем, шкура эта была скорее данью традициям. Король с наслаждением стянул сапоги. Размотал портянки и с видимым удовольствием прошелся по теплым полированным доскам.

– А наш барончик, оказывается, любит гостей! И встречает их с королевским размахом!

– Не вижу тут ничего такого, милорд, – голос сенешаля, как всегда, был тих и спокоен, точно вода в стоячем болоте. – Сеньор Д'Ассо живет в лесном краю. Камня здесь нет. Так что это определяет материал построек. С приходом рода Д'Ассо здесь прекратились стычки даже между владельцами земель, не говоря уж об эльфах. Отсюда такое пренебрежение к оборонительным сооружениям. Этот, – Ллойс помедлил, подбирая слово, – замок... выстроен, чтоб вольготно жить, а не отражать атаки. Ничего удивительного, что нам, выходцам из центральных областей, где сеньор сидит на сеньоре и точит зуб на соседа, все это кажется дикой роскошью в богом забытой, полубезлюдной провинции.

– Ну а как же ванна, Ллойс?! Полированная деревянная ванна, покрытая лаком?! А собственный нужник для гостей? – не унимался Вариан.

Ллойс, как всегда, сохранял спокойствие. Казалось, его нисколько не трогали все эти роскошества.

– Места много. Деревя тоже. Почему бы не предусмотреть маленькую комнатку для гостей? А ванна... Много ли стоит пара лиственных бревен – да хоть бы их и пришлось везти с самого севера? А плотников тут в избытке. Извольте выглянуть в окно – все здешество здесь деревянное... А лак... Подозреваю, что его тут же и варят. Было бы глупо делать изделия из дерева и не защищать их лаком... Так что показная роскошь на поверку оказывается всего лишь бутафорией.

– Хм... Но все же ты меня не убедил, Ллойс... Все эти шелковые простыни. Каменный очаг... Заметь, не кирпичный! Большие стекла в огромных окнах. Все эти красивые тряпки по стенам. Как-то чересчур для мелкого помещика... Чего-то Д'Ассо недоговаривает... Что ж! Время к ужину! Поспешим переодеться! Мне еще нужно пару камней в огород этого барончика забросить. Пусть как следует промаринуется к завтрашнему разговору!

Вскоре явилась хорошенькая служанка и, игриво потупившись, позвала высоких гостей к столу. Вариан криво ухмыльнулся, этот Д'Ассо не так прост. Уже начал прощупывать слабые места гостей. Молодой король откровенно пялился на колышущиеся под тонким сарафаном прелести молоденькой девушки, заставляя ее притворно смущаться. Как искушенный столичный интриган, он чутко чуял невинность и ложь. Первой тут даже и не пахло.

Хорошо вышколенные слуги распахнули широкие двустворчатые двери. В просторном зале, залитом закатным солнцем, за широким столом, застланном белоснежной скатертью, короля уже поджидало семейство Д'Ассо. Барон с домочадцами поднялись с мест. Хозяин поместья приветствовал гостя глубоким поклоном. Супруга склонилась в глубоком и куда более почтительном реверансе, чем утром, видимо, муж уже провел с ней воспитательную работу. Милые девочки старательно присели в изящном поклоне, и даже младший сорванец чинно склонился в вежливом приветствии.

Монарх величаво кивнул:

– Прошу к столу.

Беззвучные, точно тени, слуги предупредительно отодвинули стулья и налили по бокалу вина в золотые кубки. Король мимоходом отметил: вся посуда отполирована до зеркального блеска, как в лучших домах. Хотя изделиям, конечно, не хватало изящества. Он отнес это на счет некоторого щегольства барона, как и его кричащий костюм.

На ужин подали перепелов в сметанном соусе с грибами. Шикарное овощное рагу, холодные морсы. Перепела истекали соком и благоухали так, что даже у Ллойса заворчал желудок.

– Ого, мой друг! Твой скромный ужин лучше, чем пир у самого короля! – пошутил монарх, смакуя жирную птицу.

– Что вы, ваша милость! Где нам до столичных изысков! Пища у нас простая, но здоровая. Все местное. Вот и Берта любит свой садик и сама возделывает землю. Так что все своими руками.

– Знаете что, мой друг? Я, пожалуй, сманю вашего повара, – вымолвил король, дегустируя ложечку рагу из овощей, внутренне досадуя на обилие специй. Здесь, на востоке, куда караваны с юга ходили редко, они были необычайно дороги. И приправить блюдо было не только выражением почтения к гостям, но и способом показать богатство. Это в центре и на севере люди были вынуждены приправлять пищу, чтобы заглушить дурной вкус еды или консервировать ее таким способом. Повар же, видимо, по указке сеньора, бухнул специй не жалеючи, причем всех сразу, напрочь испортив тонкий вкус контрабандных овощей из Вечного леса.

Между тем монарх продолжал:

– Я бывал во многих землях. На юге, на севере, даже на запад захаживал. Но нигде, нигде, сударыня, – он почтительно склонил голову, как бы отдавая должное аграрному искусству хозяйки замка, – я не ел ничего похожего. Разве что...

Вариан взял томительную театральную паузу. Барон сидел точно на иголках. Берта изображала живейший интерес, явно не понимая, куда клонит гость.

– Так что же? – не выдержала баронесса. – Какая земля еще могла так прославиться вкусом блюд?

– Эльфийская, сударыня! В день моей коронации прибыло эльфийское посольство с дарами. В том числе и с прекрасными плодами. С того дня и вплоть до сегодняшнего я не ел ничего прекраснее. Мы пытались наладить торговлю с эльфами, сударыня. Но они не понимают ценности денег. Им не нужно ничего, что есть в нашем королевстве. Ни стали, ни шелка, ни драгоценных камней. Тогда я наложил строгий запрет на выращивание плодов древнего леса. И повелел сдавать семена в казну за вознаграждение. Я надеялся, что корона сможет развести эльфийский сад и сделать жизнь людей чуточку легче. И знаете что, миледи, – Вариан вновь взял звенящую паузу, – за все эти годы ни один человек не сдал ни единого семечка!

Повисла неловкая звенящая тишина, нарушаемая лишь позвякиванием столовых приборов Ллойса, который, словно ничего не случилось, продолжал невозмутимо уничтожать свою порцию. Бледный барон рукавом пурпурного кафтана отер липкий холодный пот со лба. Прелестные малышки сидели точно на иголках, даже Д'Ассо-младший замер. Только Берта, казалось, не понимала всей серьезности момента.

– Пожалуй, стоит запереть повара на кухне, чтоб ваше величество не сманило его в столицу. Правда, мой благоверный? Ведь он даже простым овощам может придать изысканный вкус эльфийских яств! А всего-то надо не жалеть специй.

– Так вот в чем секрет! – обрадовался Д'Ассо. – Да, мой повар и вправду талант! Нужно будет сделать ему подарок за столь вкусный ужин!

«Знаем мы твои подарки, небось на конюшне бедолагу заперешь, – невесело подумал Вариан.

– Ну, коль скоро повара нам сманить не удастся, может, вы нам раскроете секрет? Все ваши соседи уже по третьему кругу сменились, пропав в эльфийских лесах или сгинув от набегов древних. А вы не только сызмальства живете здесь, но и умудрились превратить сравнительно небольшой лен в одну из самых богатых земель востока! Видать, сам Бог, – король воздел руки в патетическом жесте, а сам пронзительно и хитро глянул на хозяина, – хранит вас, Д'Ассо!

Либо барон был слишком глуп, чтобы понять намек, либо предпочел сыграть дурака. Д'Ассо разразился десятиминутной тирадой о рачительности, человеколюбии и осторожности. О семейных ценностях и ответственности перед потомками. Вариан его не слушал. Он все крутил в голове картины роскоши поместья Д'Ассо, эльфийские кушанья, хотя здесь, на востоке, это, конечно, неудивительно – необычайный мир под крылом этого хитрого вассала. Да еще кругленькая сумма за переписку с инквизицией.

Какой-то детали явно не хватало, и завтра, после доклада шпионов, наводнивших двор барона до прибытия короля, Вариан намеревался расколоть этот орешек.

Видя, что государь все глубже погружается в пучину раздумий, Ллойс ненавязчиво взял управление беседой на себя, и ужин завершился в приятной ненавязчивой болтовне о погоде, урожаях и прочих ничего не значащих мелочах.

Под занавес подали вино. Его производили лишь в некоторых областях востока да на юге. Горячее красное благоухающее вино, специи и южные цукаты мягко и ненавязчиво подействовали на уставшую волю. Монарх отпустил мысли в свободное плавание. Прикрыл глаза и стал наслаждаться десертом и терпким, сладким напитком. Очнулся он лишь в полированной деревянной ванне при свете камина. Давешняя служанка долила горячей воды и принялась натирать уставшее тело настоящим северным мылом. Вариан сделал себе еще одну зарубочку на память, вновь глотнул подостывшего вина и с шумом увлек взвизгнувшую служанку к себе

в ванну. Король отпустил поводок железной воли и позволил вырваться наружу древним страстям молодого тела. Пусть сегодня все горит синим пламенем! Сегодня это забота Ллойса!

Яростный солнечный луч бил в глаза сквозь закрытые веки. Прекрасное вино оставило после себя отвратительное послевкусие. От вчерашних скачек ломило все тело. Вариан с трудом разлепил глаза. Как и следовало ожидать, девушки и след простыл.

Молодой человек страдальчески вздохнул – нужно приниматься за дело. Набрав полные легкие воздуха, Вариан заорал:

– Ллойс! Где ты есть, гномы тебя дери! Ллойс!!

Прямо над ухом раздался тихий вкрадчивый голос:

– Я здесь, мой господин, я прекрасно слышу, даже когда вы не повышаете голоса.

Король вздрогнул.

– Гномье пекло, Ллойс! Напомни, почему я до сих пор не сослал тебя на север?!

– Тому много причин, милорд. Но основная – думаю, вам будет скучно без моих задорных шуток, – сказано было таким бесцветным голосом, что король скривился, как от зубной боли.

– Боюсь, ты прав, – буркнул Вариан, принимая из рук советника штаны и просторную белую рубаху.

– К вам с докладом Мюллик.

Вариан издал душераздирающий вздох, больше всего ему хотелось осушить бутылочку винца или, на худой конец, хлопнуть крепкой настойки на орешках, завалиться на кровать и укрыться с головой одеялом.

– Проси, время дорого.

Ллойс выглянул за дверь, и тотчас в комнату вошел высокий нескладный мужчина, слегка сутулый, угловатый, с каким-то серым, незапоминающимся лицом. Одет он был как-то неброско и с одинаковым успехом мог быть и конюхом, и сенешалем.

Вариан махнул рукой, – начинай, – и с шумом стал умываться из большой деревянной лохани.

– За несколько дней до вашего прибытия, – начал Мюллик каким-то шепелявым заплетающимся басом, но постепенно голос его креп, дефекты очищались, и к концу фразы перед королем стоял уже бравый, тертый не одной компанией вояка, – удалось внедрить небольшое количество наших людей. Местный конюх наелся незнакомых плодов и приболел. Кузнецу подмастерье наставил рога, ну, тот и отходил его молотком. У сенешаля новый помощник, спасибо сэру Ллойсу. – Сенешаль сдержанно кивнул. – Старый-то умотал в дальнюю деревню проведать тетку, ему внезапно жирный приработок перепал. Егерь в дальней избушке внезапно пропал, пришлось срочно искать нового.

– Неплохо, неплохо, Мюллик. Я понял, что не зря плачу тебе щедрое жалование. Что слышали твои люди?

– Местные поговаривают, что барон якшается с эльфами.

– Ну, Мюллик, ты меня даже не удивил. Жить у Вечного леса и ничего не иметь с этого.

– Должно быть, я не совсем верно выразился. Барон лично общается с эльфами. Он регулярно тайно у себя принимает их посланца. Удалось установить схему, по которой ушастый проникает в имение.

Вариан медленно опустился на смятое ложе. Мысли роились в голове, точно тайфун. И среди этого хаоса только два факта бились, словно пульс. Регулярные визиты эльфов к Д'Ассо и сумма, выставленная за почтовые расходы. Вода стекала на свежую рубаху. Капала с рук на полированный деревянный пол.

Вариан хрипло проговорил, все еще не сводя глаз с чего-то призрачного вдаль:

– Мюллик! Возьми людей у капитана, сколько нужно возьми. Добудь мне этого эльфа! Слышишь?! Но тихо. Если понадобится, убей всех, кто помешает, и концы в воду, как ты умеешь. Эльфа связать, в обоз – и сматываем. По дороге допросим.

В дверь вежливо постучали. Мужчины переглянулись, Мюллик тотчас скрылся в уборной.

– Входите, – крикнул король.

Дверь приоткрылась, и в комнату юркнула служанка с парящим ароматным кубком глинтвейна и закуской. Молодая фигуристая девушка потупилась и зарделась, сделав изящный книксен.

– Легкий завтрак, милорд, – призывно сказала служанка и, поигрывая своими формами, поставила поднос на столик из живописных коряг рядом с кроватью.

– Ну нет, барон, второй раз в одну и ту же ловушку я не попаду, – пробормотал Вариан.

– Вот что, милая, – он огладил девушку. – Вот тебе серебряный, возьми вино и беги к подругам. Если барон спросит – все было. Ступай.

Ей не пришлось повторять дважды, служанка быстро поцеловала руку короля, подхватила монетку, взяла кубок вина и бесшумно выскользнула вон.

Ллойс заглянул в уборную.

– Ушел, – сухо констатировал он. – Видимо, через окно.

– Ллойс! Извести барона, я буду ждать его после обеда. Ступай. Мне нужно подумать.

– Слушаюсь, ваша милость, – сенешаль тенью выскользнул в коридор.

Заседание малого совета

Отстроенный для ответственных заседаний Каменного престола, малый зал изящно освещен дорогими в Подгорном царстве восковыми свечами. Бронзовые зеркала отражают рассеянный желтоватый свет, создавая уют для гномьих глаз, привыкших к тьме шахт и глубоких каверн. Стены, тщательно задрапированные многослойными гобеленами с искусным узором, добавляют комфорта. Ни одно слово и даже крик не удастся подслушать сквозь скальную толщу. Ни лучик света, ни звук не пропустит мощная стальная дверь, запирающая вход. Система вентиляции, проточенная в скальной породе тонкими, гибкими сверлами, имеет сложное строение. Много лет искусные мастера воплощали в жизнь гениальную схему. Даже змея не просочится в столь узкие и идеально гладкие каналы, напичканные всевозможными фильтрами от известных газообразных ядов и зелий.

Владыка Каменного престола восседал, сутулясь под грузом тяжелой церемониальной одежды, украшенной редчайшими камнями и густо обшитой нитями золота, платины и мифрила. В другую эпоху это имело смысл, и церемониальное облачение делало монарха неуязвимым и надежно хранило от недугов. С закатом эры ушла магия – и вслед за ней высокие технологии гномов. Сейчас облачение было лишь данью традициям, от которых еще не успели отвыкнуть консервативные жители Подгорного царства.

Монарх обвел притихших танов мрачным болезненным взглядом и глубоко втянул воздух сквозь ароматный мешочек с эльфийскими травами. Зрачки расширились, и черные круги под глазами, казалось, слегка посветлели.

В полной тишине морщинистые руки Владыки придвинули чашу для ароматных масел. Монарх извлек из многочисленных складок одеяния изящный хрустальный флакон. Не постарчески цепкий и внимательный взгляд скупно отметил уровень янтарного масла в граненом фиале. Лязгнула притертая крышечка, звякнуло горлышко о металлический поднос, и кусочек жаркого солнца капелькой скатился на доньшко «лампы». Хитрым кресалом хозяин Каменного престола затеплил миниатюрную свечку, и тонкий, свежий аромат, точно дуновение летнего ветерка, распространился по залу.

Согбенные плечи старца распрямились, наполняя парадную форму значимым содержанием. Седой старик на глазах уходил, грозный непреклонный государь занимал его место. Венец красного золота величественно и сурово блеснул над гордо поднятой головой.

– Итак! благороднейшие из благородных! Сегодня истек срок, отведенный на проработку планов по решению острейших проблем Подгорного царства! Множество замыслов с детальным просчетом в жесточайших спорах отсеялось. Я готов выслушать немногое... – тут монарх сделал драматичную паузу и обвел суровым цепким взглядом каждую склоненную голову, – что прошло беспощадное горнило совета благородных танов и закалилось в палатах службы счетоводов Каменного престола. Благороднейший тан, держатель первой наемной когорты столпичной залы! Прошу ваш план.

Рослый огненно-рыжий гном в богатых доспехах тонкой работы, с ног до защитного воротника изукрашенных хитрым узором с незаметным и органичным вкраплением защитных рун, с шумом отодвинул каменный стул. Рука, упрятанная в недра блистающей латной перчатки, легла на солидный томик с бесконечными цифрами и пояснениями, словно ища поддержки, надеясь впитать нужные цифры.

Тан громогласно прочистил горло в латный кулак, весьма быстро и неглубоко кивнув собравшимся:

– Благороднейший из благородных, вседержитель Каменного престола!
Старец нетерпеливо махнул рукой.

– Великодушные таны, – быстро свернул фразу гном. – Как известно, острейших проблем в нашем царстве три! Продовольственная проблема, – для важности держатель гильдии поднял блистающий кулак и стал разгибать полированные пальцы. – Гном нуждается в пище! Проблема текстильного производства. Гном должен быть одет подобающим образом, – второй сияющий в рассеянном желтоватом свете палец нацелился в потолок. – Ну, и некоторое перенаселение Подгорного царства. Гномы зарываются все глубже, условия жизни становятся невыносимыми. Высокая температура, горные газы, сложности с вентиляцией – все это ведет к опасным настроениям в обществе. Первые две проблемы мы решаем путем торговли с людским государством, незаслуженно занимающим огромные плодородные равнины. Третья решается через попытки создания наземных городов. Высокое небо, необъятный простор. Тонкие, будто яичная скорлупа, каменные стены отравляют существование простого гнома, делая заселение равнин крайне проблемным. Воевать с людишками мы не можем. Гномы критически зависят от производимой ими продукции: мяса, зерна, кожи... Пускать ситуацию на самотек нельзя. Люди – такие твари, постоянно ищущие слабину. Больше десятка лет пытаются сговориться и повысить цену. Наши торговые агенты работают не покладая рук, выявляя сговоры. Что будет, когда вопросом займется человеческий король? Северные вассалы у нас на крючке, но разве их мощь сопоставима с могуществом людского государства? Решать вопрос придется с... – тан помедлил, испытующе глядя на монарха, – эльфами! Да, благороднейшие! Я предлагаю войну с остроухими за их леса! Или, по крайней мере, часть из них. Ветви деревьев послужат нам новой крышей! А необъятные стволы будут напоминать о резных колоннах родных подгорных зал. Плодородная почва поможет вырастить пищу и кожу для одежд. А недра наверняка скрывают немало сокровищ...

– Довольно! – Мощный рев монарха произвел впечатление разорвавшегося на куски вулкана.

Владыка глубоко затянулся благоуханным запахом целебных трав и выразительно поглядел на докладчика. В наступившей звенящей тишине Владыка медленно и веско произнес:

– Собирайте лучших бойцов и попробуйте отвоевать хоть пядь эльфийской земли. Тебя похоронят с подобающими положению почестями, а твоих детей мы вышлем в лес, в знак извинения и примирения с эльфами...

Не сводя глаз с побледневшего и осунувшегося гнома, старец скупым движением добавил каплю ароматного масла в жаровню.

В гнетущей, сумрачной тишине тянулись мрачные минуты, пока первый из гномов принимал эльфийские успокаивающие снадобья. Наконец гордый старец закончил с медицинскими процедурами и махнул рукой: следующий!

Тяжело поднялся грузный седобородый гном с сияющей, как медный таз, лысой макушкой. Тяжелые, богатые одежды обвисли, обтягивая объемный живот. Блеснул изукрашенный золотом купеческий пояс.

– Достопочтенные таны!

Глубокий учтивый поклон, гному удивительным образом удалось поклониться, не роняя собственного достоинства, не беспокоя необъятное пузо.

– Мой Владыка!

Еще более глубокий поклон – тану пришлось немного присесть, получилось нечто вроде реверанса.

– Мое решение, – приятный низковатый баритон полился медовым ручьем; ни дать ни взять жирный кот уговаривает мышку не сопротивляться, – не является таким, эмм, радикальным и... хмм, односторонним, как у предыдущего оратора.

Все еще мертвенно бледный гном метнул испепеляющий взгляд на докладчика. Дородный оратор продолжил, степенно оглаживая ухоженную седую бороду.

– По скромному мнению торговой гильдии, большее из зол – недостаток продовольствия. Стоит развить сельское хозяйство, и оно потянет за собой производство тканей и кожи, замещающая ввозимое сырье производимым. Под сводом скал такое хозяйствование невозможно. Грибные фермы не могут давать нам ткани. Рогатый скот грибы не ест, впрочем, кормить нашей едой зверье неэкономно. Вывод прост: развивать сельское хозяйство по примеру людей – снаружи.

Монарх нетерпеливо махнул рукой.

– Ну же, Дзыинитер! Ты тратишь наше время, озвучивая известные факты! Прошу короче.

– Да-да, высокочтимый!

Медовый ручей заскакал по пряничным порогам. Глава гильдии наемников скривился, как от зубной боли, глядя на докладчика.

– Я подхожу к сути. Предлагаю развивать сельское хозяйство в горах! И на равнинах.

Хозяин Каменного престола изумленно воздел бровь.

Пухлые не по-гноми нежные ручонки торговца удивительно ловко зашелестели страницами объемного талмуда.

– По подсчету гильдии землемеров, над нами располагается до 50 пригодных к земледелию долин. Треть из них имеет источники пресной воды, родники или болота. Мы не располагаем технологией выращивания растений и животных. Предсказать количество скота для размещения крайне трудно. По самым скромным подсчетам, это десятая часть от наших нужд!

– Кто же будет работать под открытым небом?! – нетерпеливо возразил король.

– Ну, разумеется, тот, у кого самый толстый потолок, – жалко сострил торговец. – Лучше мерзнуть и мокнуть под чистым небом, чем всю жизнь медленно жариться в глубинах, задыхаясь от горных газов. У людей этой работой в основном занимаются женщины. Думаю, наши предпочтут бороться с беспочвенным страхом открытого пространства, нежели с реальными кобальдами и их тварями. Вслед за женщинами потянутся и мужчины... У нас много гномов без специальности, с нищенским жалованьем. На поверхности, торгуя шерстью и мясом, они смогут рассчитывать на безбедную старость.

– Хорошо... Хорошо. Ты многое предусмотрел. И конечно, запросишь земли в собственность у Престола?..

Глаз подгорного короля блеснул звездой в мягком сумраке зала.

– О такой щедрости наша скромная гильдия и мечтать не смела! – Слова, точно бисер по ступеням, посыпались из объемной утробы торговца. – Мы не землевладельцы. Всем известен закон: Подгорный владыка – хозяин земель и недр, а мы – лишь честные слуги. Гильдия возьмет на себя все заботы по воплощению плана и смеет довольствоваться малой частью вырученной прибыли с добровольных хозяйств.

Старец невесело усмехнулся, представляя, какую часть запросит этот прожженный торгаш.

– Дабы максимально эффективно использовать крохотные клочки земли, – продолжил тан, – необходимы специалисты! Известно: непревзойденными мастерами культивации растений являются эльфы. Пригласим их выращивать источники тканей и корма для скота. И заплатим людям за разведение животных.

Король вновь изумленно поднял бровь.

– Предположим, людей ты с потрохами купишь. А что дашь эльфам? Золото? – король рассмеялся старческим, блеющим смехом.

– Дадим, о первый из благороднейших, решение некоторых проблем... Для великодушных танов вряд ли является секретом, что люди вырубают леса, принадлежащие древним, строя дома и мебель. Мы продадим технологию изготовления и обжига кирпича и производства строительного раствора в массы. Удивительно, что люди до этого еще не додумались. Каждый кре-

стьянин сможет жить в добротном доме. Не будет рубить лес. Взамен же ушастые поделаются технологиями обработки земли.

Владыка задумался и важно кивнул.

– Это хороший крючок. Эльфы готовы на многое, лишь бы никто не трогал их леса. Но это не решит наших проблем. Как ты говорил? Покроет лишь десятую часть. Как быть с остальным?

– Да, о светоносный, – король скривился. Древний титул явно не к лицу седому старцу. – Как известно, ваш скромный слуга не только благородный торговец, но и владетель гильдии законников, пусть не первой, но все же... В нашу обязанность входит знать не только законы Подгорного царства, но и соседей, дабы предостеречь и защитить гномов. Среди людских законов есть такой: владелец земель вправе нанять на службу хоть тролля. Большинство людей откажутся от услуг гнома. Это естественно. Их примет лишь отчаянно нуждающийся. И такие есть. Западные земли, государь мой! Край непроходимых болот и бескрайних лесов! Ни один владелец земель не может полностью собрать налоги или дань! И многие заканчивают дни не в кровати в родовом замке, а на дне болот. Многие сеньоры захотят воспользоваться услугами гномьей несокрушимой дружины, даже не за деньги – за небольшой клочок земли, взятый в аренду добросовестными гномскими фермерами. Внедрение эльфийских технологий позволит получать с участков огромные урожаи! Люди выстроятся в очередь за нашими услугами.

На мгновение воцарилась тишина. Седой старец сдержанно и с достоинством улыбнулся:

– Неплохо, отправь свой план в службу счетоводов, необходимо проверить расчеты. На сегодня хватит. Голова от вас болит.

Грозный старец поднялся с трона и удалился. Таны какое-то время приходили в себя, а поняв, что Совет завершился, поспешили покинуть зал малых заседаний и отправились по насущным делам.

Дзынигер лично отнес талмуд, неохотно прощаясь со своим детищем.

Монотонный голос известил:

– Проверка займет не больше двух недель.

Тан глубоко вздохнул и, отдав рукопись, отправился в таверну снимать пережитый стресс крепким гномьим пивом.

Совет высоких

Полная луна высеребрила каленой сталью узорчатые листья Древа советов. Высокие эльфы один за другим в торжественном молчании восходили по спирали ветвей в «залу». Их парадные одеяния слабо колыхались в запутавшемся в лапах Вечного леса ветерке. Полночная прохлада бодрила, и тысячи придавленных темнотой звуков будоражили кровь. На высоте десяти метров ствол дерева разветвлялся, образуя нечто вроде исполинской беседки. Густая листва полностью скрывала ее от посторонних глаз, а темень внутри рассеивали нежным светом огромные цветы. Один за другим в полном молчании появлялись высокие в этой «зале». И ветви, разворачивая листья, стягивались туже, дабы ни один звук не просочился наружу и ничто или никто не попал внутрь. И не было в мире огня, способного подпалить то дерево, стали тверже этого ствола и осадной машины такой мощи, чтобы пробить упругие живые стенки.

Высокие гости заняли места вдоль стен. Простояв положенную по этикету минуту в молчании, они откинулись на упругую зеленую стену, и живые ветви аккуратно приняли изящные тела властителей Вечного леса. Над каждым высокорожденным возник собственный бутон и медленно налился светом, выхватывая из полутьмы властные аристократические лица.

В центре зала, подобно люстре, распустился гигантский ароматный атласно-белый бутон, источающий рассеянный бледный свет. В размытый серебристый круг ступила Учредительница совета. Особых заслуг, сделавших ее Высшей, не было, но на ней лежала организация сборов, форма их проведения, ведение протокола и многое другое. Словом, все то, что так не любят существа, занимающиеся настоящими делами.

– Приветствую высоких эльфов, высоких по рождению и славных делами.

Ее мелодичный голос, под стать серебряному одеянию и рассеянному холодному свету, заметался среди ветвей, чтобы быть ими поглощенным без остатка. Ибо секреты высокорожденных никогда не должны покидать залы собраний.

– Мы собрались здесь, чтобы выслушать предложения высоких относительно нашей проблемы. Возьму на себя бремя напомнить ее суть. С начала новой эпохи магия покинула наш дом. В деревьях больше нет дриад. А без колдовства нам не изготовить для них тела. Мы не в силах создавать новых эльфов. Промышленность пришла в упадок. Дом еще поддерживает нас, деревья позволяют использовать кое-что из нашего магического арсенала. Но каждое заклятье, каждое действие подтачивает его силу. Лес уменьшается... А без леса мы все погибнем, подобно смертным. Наши тела состарятся и разрушатся. И будет это происходить долго и мучительно... Сперва начнет стареть и дрябнуть кожа, мышцы начнут слабеть. Позже подключится разум. Он тоже ослабнет. Забудет очевидное, постепенно разучится решать задачи... В конце откажет какой-нибудь орган, и тот, кого знали как эльфа, покинет мир...

Наступила гнетущая пауза. Цветы над некоторыми высокими медленно начинали менять свечение в соответствии с настроением хозяина ложи. Гнев, нетерпение, страх...

– По донесениям странников и верных ставленников в церкви людей, магия не ушла насовсем. Это подтверждается и самим фактом, что мы все еще можем творить заклятия. Высший Эови, Высокий Странник, – вам слово.

Из пустой неосвященной ложи выступила фигура, сокрытая темным плащом. Гигантский «светильник» почернел и приугас, бросая лишь неясные косые тени, размывая и без того нечеткий силуэт. Тихий, но жесткий баритон зазмеился ручейком, вливаясь в уши каждого по отдельности. Никто бы не услышал столь беззвучную речь, но особый природный дар главного разведчика эльфов позволял говорить лишь в те уши, которым и предназначалось послание.

– Как наверняка знают Высокие, мы насадили смертным особый культ, дабы подавлять всяческие проявления магии. Люди верят, что Божество – это не Дух, обладающий мощью, с которым должно сотрудничать и работать, а некое всемогущее существо, создавшее все сущее ради своей прихоти и вовсе не обремененное какими-либо обязанностями. Данный культ имеет собственные отделы, или, как их величают, ордена. Каждый орден занимается своим делом. Нас интересует инквизиция. Она занимается преследованием и искоренением любых проявлений магии.

Магия проявляется среди людей. Скажу больше: практически каждый смертный может творить заклятия. Мало того, все древние обладали запасом силы. И никогда не могли превысить свой потолок. Лишь гномы умели технически усиливать свое волшебство. Люди же могут тренировать способности – подобно тому, как мы упражняем тело.

Магия проявляется у смертных в трех ипостасях. Это бытовые вспышки. Знахари, ведьмы и тому подобное. С этим более или менее успешно борется та самая инквизиция, используя волшебство, тоже просочившееся в сам орден. Некоторые особо рьяные служители могут лечить, чувствовать места силы и многое другое. Это воспринимается как дар их многого Божества.

Сильное проявление магической энергии находит выход, наделяя тела умерших людей некоей формой жизни. К сожалению, доставить образцы нам не удалось. Подобные существа обладают недюжинной силой, но все же это подобие жизни слишком хрупко. Очень многие вещи для них смертельны или под запретом. Свет, ароматы некоторых растений, вода. К тому же их магия враждебна эльфийской. «Порог» нашего Дома развоплощает существ в прах.

Все-таки нам удалось поставить несколько экспериментов. «Оживить» можно и случайное скопление частей, бывших человеком или несколькими людьми. Это нечто вроде гномьих големов. Решать задачи или помнить такое существо не способно. Тварь терзаема одной лишь страстью – убивать. Неважно что. Оно разрывало на куски медведя, сворачивало шею кролику, рвало растения. Я небольшой специалист в этом, но мое мнение таково: чтобы оживить случайные куски плоти, нужна довольно могущественная сила. Это сродни рождению нового эльфа. Сама земля там напиталась останками, несущими энергию. И высвобождает ее таким образом. Впрочем, о магии вам лучше расскажет высокая Эйде.

Спустя мгновение расплывчатая, неясная фигура беззвучно растворилась в полутемном зале, будто кусок льда в вешней воде. В наступившей гнетущей тишине совсем почерневший бутон расправил лепестки и зажегся чистым, слегка голубоватым светом. В образовавшееся пятно гибкие ветки аккуратно и нежно поставили хрупкое эльфийское существо. Яркие белоснежные одежды, покрытые по вороту мелкой голубой вязью, и свисающие до пола рукава чуть заметно колыхались под действием сил эфира.

Звонкие струны голоса засеребрились под темными сводами залы:

– Высокие и славные делами! Простите мне небольшую лекцию, которую я собираюсь вам прочесть. Мне придется отнять ваше драгоценное время, чтобы вы четко понимали глубину проблемы.

Одна из самых влиятельных эльфиек легким жестом отстранила гибкие ветви, и те послушно убрались в темноту.

– Всем вам с рождения объясняли: все сущее стремится к развитию, а значит, и к усложнению. Не исключение и магия. Это особая субстанция, обладающая подобием разума. Она невидима и проявляет себя в магических сущностях, в законах эфира. Так, давным-давно она соединилась с недрами гор, и появился Ауле – прародитель гномов. Магия напитала деревья и травы нашего Дома – и появился Фарион, Дух леса. Они, преобразовав материнскую субстанцию, подарили жизнь нам, эльфам. Мы же в магических трудах собирали магию и превращали сырой эфир в точные инструменты. Мы были ее скульпторами и кузнецами. Со смертью

наших прародителей исчезла и сама возможность прильнуть к первоисточнику магии. У нас оставили инструменты, но отняли материал.

Исчезла ли она насовсем? Нет, но магическая энергия, принадлежащая людям, другая. Мы не в силах ей воспользоваться. Можно сказать, наше колдовство – вода, их – масло. Хоть по форме они и похожи, но все-таки слишком разные. Отсюда простой вывод: таких эльфов, как мы с вами, больше не будет. Мы – последние, – Эйде остановилась, давая словам проникнуть в головы слушателей.

Бутоны приугасли и подернулись темным пеплом, мерцая цветами страха, негодования и обреченности. От наступившего напряжения даже листья с тихим шорохом свернулись.

– Да. Приходится признать очевидное. Но означает ли это, что наш род прервется? Вовсе нет.

Неясный гомон не то облегчения, не то изумления прокатился среди Высоких. Учредительница Совета послала нервный импульс по ветвям. Нарушение этикета ей очень не понравилось.

– Новые эльфы никогда не будут прежними, – продолжила Эйде. – С помощью Высокого Странника мы собрали богатые знания о людской магии. Именно она впредь и станет нашей. Как вы знаете, мы – единственные из разумных плоть от плоти этого мира. Эльфы не вынашивают детей в телах, как люди, гномы, орки и прочие расы. Мы создаем тела для дриад – душ деревьев. В настоящее время дриад не осталось, ведь и они были плоть от плоти нашего прародителя. У нас нет возможности создать новое тело. Но я уверена: если взрастить вместилище для дриад на напитанных магией кладбищах людей, что-нибудь обязательно поселится там. Дальнейшее дело воспитания и техники. Другая проблема – создать тело... И тут, я полагаю... – изящная дива набрала полную грудь воздуха, – использовать людей.

То, что началось потом, было сущим ужасом для Учредительницы – регламент и этикет были изорваны в клочья, смяты и вышвырнуты в жаркие гномьи бездны.

Глава армии – крупный эльф, изборожденный шрамами, – нервно вырвался из удерживающих ветвей и гневно вскричал:

– Мы никогда не смешаем себя со смертными червями!

Жилы его вздулись. Аристократично бледное лицо налилось дурной, багровой чернотой. Даже во время самых сложных битв и поединков он не терял лица до такой степени.

– Это измена! – безымянные голоса из тьмы поддержали воина.

– Ты хочешь сдать нас этим жалким опарышам?!

– Это плевок в лицо древних!

Крики смешались воедино.

– Слушайте меня! – низкий рычащий бас до корней потряс тысячелетнего зеленого гиганта. Гибкие удерживающие ветви предупреждающе впились в тела слушателей.

Потрясенные эльфы замолкли. Лишь глава армии на шаг придвинулся к магине, положив руку на эфес.

Она предпочла это не заметить. Мертвенно-зеленый огонек медленно угасал в глубинах небесно-голубых глаз.

– Повторяю. Только люди – ключ к нашему будущему. Вся магия сейчас сосредоточена у них. Ни у нас, ни у гномов ее нет. И если мы хотим жить, ответ придется искать у жалких людишек.

Зала утихла, переваривая тяжелую для эльфийского разума мысль. Прекрасные бутоны над членами совета померкли, едва обозначая недвижные контуры. Внезапно один из цветов засиял чистым белым светом. Магиня вздернула бровь, а Учредительница поспешила вмешаться, восстанавливая протокол:

– Высший Вальзар, вам слово.

– Высокие, – начал речь стройный, словно сошедший с картинки, эльф. – Как вы, наверное, знаете, я отвечаю за то, во что вы одеты, чем вооружены и что едите. В новую эпоху качество изделий сильно упало. Это, конечно, связано с отсутствием магии. Ее использование сведено к минимуму. Оттого мы можем получать ткани только в отрезках. На это уходит много времени. Пришлось существенно увеличить поляны с тканевыми деревьями. Ряд свойств в наших полотнах утрачен безвозвратно. Приходится шить одежду. Но мы справляемся. Металл же получаем только в грануляте, его приходится отдавать на переплавку и для выделки конечного изделия гномам. За это нужно платить монетой, а деньги являются дополнительной трудностью и втягивают эльфов в ненужную ранее волокиту. Но я не для того взял слово, чтобы нагружать вас тонкостями ремесла. Пытаясь разрешить возникающие трудности, ваш покорный слуга обратился к знаниям древних. Первых поколений эльфов, когда магические технологии не были столь развиты. Никакой внятной классификации по этим вопросам нет. Поэтому приходится читать много лишнего. Среди прочих сведений я наткнулся на упоминание об одном интересном народце... – тут Вальзар изящным движением взъерошил густую соломенного цвета шевелюру. – Кобольды. Какие-то подгорные выкресты вампиров. Жутко злые. Патологические живодеры. Изворотливые, фантастически живучие. И чрезвычайно хитрые. В общем, понятно, почему гномы так и не сумели их добыть.

Тут эльф сделал многозначительную паузу.

– Ничем не примечательный народец, кроме одного. Если такой кобольд сожрет, – уж простите, другого слова тут не подобрать, – живое бьющееся сердце, он приобретает некоторые свойства его хозяина. Съест, например, такая тварюга сердце орка. Заметно прибавит в силе и ловкости. Съест сердце эльфа – улучшит зрение и слух, станет немного разумнее. Ну и так далее. Я не очень большой специалист в магии, тем более что мои поиски сейчас сосредоточены в противоположной области, но... Высшая Эйде, поправьте меня. Эти существа могут быть нам интересны, верно?

Голубоватый бутон набрал силу над изящной повелительницей магии.

– Да, я, помнится, читала об этих существах. Не думала, что они еще живы... Насколько утверждают заметки Лилиана, это нечто вроде живого сосуда. В них можно поместить что угодно. Но это не отменяет того факта, что вся магия сейчас сосредоточена у людей. Тут вариант может быть только один: напитать представителей древнего народца нужными людскими особями и потом в том или ином качестве перенести их в состояние дриад... Технически это... скорее всего, закопать их живьем... В отличие от первого варианта нам хотя бы не придется разбивать сады на людских кладбищах... Все можно устроить у нас.

– Это еще не все, с вашего позволения, – Вальзар чуть поклонился и едва заметно подмигнул высшей, Эйде величественно и благосклонно кивнула.

– Все это варианты, касающиеся дня завтрашнего. Нашей будущей породы. Думаю, присутствующие здесь хотят сохранить свой народ в веках и застраховать себя от разных случайностей, – молодой эльф сделал сложный и витиеватый жест, подчеркивая многозначность этого слова.

Магиня удивленно выгнула бровь и с интересом уставилась на немногословного дотоле высшего.

– Ни для кого не секрет, что гномы умели усиливать магическую энергию с помощью камней и закольцовывать энергетические контуры с помощью определенных металлов. На их службе состояли металлические големы. Наиболее искусные из них или сделанные с помощью эльфов даже имели подобие разума. С помощью големов гномы поистине могли многое... Или взять парадное облачение Владыки Каменного престола... Впрочем, я отвлекся. Существует технология перенесения сознания и магических способностей, закрепленных за личностью, в некое подобие, как бы это попроще сказать?... Голема. Древние называли это морт. В фолиантах описывают парочку таких мортвов – высоких военачальников. По имеющимся

у нас данным они причинили врагам непоправимый ущерб и пожертвовали собой, обрушив своды большой гномьей залы. До сих пор не ясно, почему эту технологию не применяли после. Быть может, из-за дефицита материалов. А может, не было достаточно хороших чеканщиков. Ведь это тончайшая выколотка... Да и самому «переносимому» требуется как следует поработать над магическими контурами и узорами на будущем теле, а это немногим по силам. Естественно, материалы для големов очень редки. А значит и дороги. Главным образом это емтимариллы – редчайшие камни с уникальной огранкой. Они выступают вместилищем знаний, разума, опыта – в общем, личности носителя. И единственный металл – проводник магии – это аллерум.

Зала погрузилась в долгое тягостное молчание. Тишина и темень тысячетонным гнетом придавили лидеров нации. Выбор был прост и очевиден – и одновременно неимоверно тяжел.

Слово взяла Учредительница. Она говорила медленно, будто воздух превратился в густой кисель, приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы вытолкнуть его наружу и облечь в слова:

– Значит, мы должны высадить родовые деревья на людских кладбищах. Высший Медиван, вы имеете власть над церковью смертных, – это ваша задача. Я же займусь кобольдами и узнаю, каким количеством интересующих нас металлов и камней располагает Каменный престол. Думаю, нам есть что предложить гномам взамен.

– Все ли высказались, высшие? Тогда Совет закрыт!

Разговор по душам

Кабинет у барона был небольшим и пыльным. Видно было – хозяин бывает тут нечасто. Даже слуги не обременяли себя уборкой. Единственное окно выходило на запад, перед ним разместилось потертое мягкое кресло с высокой спинкой и добротный стол из дуба. В углу стоял набитый книгами стеллаж. В столице такой мог бы себе позволить даже торговец средней руки. Здесь же, вдали от развитого центра или богатого севера, безвкусный набор глупых романов влетел Д'Ассо в копеечку.

«У этого сундука явно двойное дно, – подумалось королю. – Барон явно живет богаче, чем пытается показать. Даже на всю эту контрабанду так не пошпикуешь, что бы там Ллойс ни говорил».

Монарх устроил высокий жесткий стул у стола, пинком отправив в угол голову медведя, венчавшую огромную бурую шкуру. На левой стене красовалось куцее генеалогическое древо, недурно написанное местным художником. А рядом висело оружие: пара северных топоров, смахивающих больше на укороченный бердыш, какой-то ломаный двуручник и даже эльфийская ромфея.

«И где только барон ее урвал? Быть может, выменял у менее удачливого соседа. Или какого-нибудь эльфа смогли пристукнуть в ходе налета, а имущество разобрали на трофеи. Надо бы спросить Д'Ассо – может, продаст. Для коллекции», – подумал король.

Тяжелая дверь тихонько скрипнула, точно бездомный котенок. В кабинет вошел барон. Видимо, сообщение слуги, что сеньор ждет его в кабинете, было для Д'Ассо неожиданностью. Явился он в простой домотканой рубахе с довольно скромной по восточным меркам вышивкой, просторных пурпурных шароварах в складочку и мягких кожаных сапогах. Черная борода была всклокочена, но волосы барон успел наспех причесать. В глазах читались страх, но и решимость.

– Проходите, барон! – Вариан плюхнулся в кресло хозяина, кивком указывая на жесткий стул напротив.

Барон медленно сел, не смея оспаривать право на свое место. Вариан возвышался в кресле, точно скала. Высокая ладная фигура подавляла рыхлого и грузного барона. Хвала деду, установившему за правило, что на престол взойти может лишь воин.

С тех пор как люди замирились с гномами и эльфами, завоевывать было нечего. Но это не означало, что в королевстве не было нужды в остром мече. Постоянные склоки феодалов, непрерывные набеги орков, упорная и неутомимая охота инквизиции на еретиков, колдунов и сектантов всех мастей. Алая, горячая кровь щедро лилась в людском наделе.

Начиная с отца Вариана монархи взяли за традицию служить в войсках пресвятого ордена – защитника веры. Нет более чистых душой людей, чем белое рыцарство, кое беззаветно служит народу и вере. Долгих восемь лет служил Вариан под началом Утера, Молота колдунов. Годы непрерывных постов, походов, изматывающих душу тренировок и битв. Князья и разбойники, колдуны и неведомые твари падали от клинка будущего монарха, закаляя в Вариане решимость, целеустремленность и бесстрашие. Не раз он поминал добрым словом наставника, вернувшись во дворец после странной кончины отца, где и принялся с инквизиторским рвением наводить порядок в королевской свите. Раскрыв пару заговоров и сурово наказав зачинщиков, молодой амбициозный монарх заработал славу справедливого, но скорого и лютого на расправу правителя. Придворные как огня боялись гнева молодого короля, а интриганы были вынуждены соблюдать такую конспирацию, что из-за постоянного страха быть раскрытыми дела их не двигались.

– Как изволили почивать? – нарушил затянувшуюся паузу барон.

– Почивать? – удивился король. – Прекрасно, мой друг, прекрасно... Скажите, дорогой барон, вы набожны? Я смотрю, у вас на столе лежит Святое писание... Правда, – Вариан перевернул пожелтевшую на солнце страницу, обнажая черный контрастный шрифт на выбеленной бумаге нового листа, – вы отчего-то предпочитаете именно этот отрывок...

Король свысока улынулся.

– Конечно, мой лорд. Как и все добропорядочные слуги Отца нашего, я вовремя плачу десятину и праздничные требы... – Барон еще не чувял, куда клонит Вариан, но природная сметка буквально кричала ему, что его тянут в ловушку, и каждое слово приближает его к опасному моменту.

– Мой сенешаль навел справки. Действительно, задолженностей перед церковью у вас нет. Не объясните ли мне, мой друг, отчего сам, – Вариан многозначительно выделил это слово, – Настоятель предоставил вам льготу в уплате десятины? За какие заслуги? Причем не известив меня, названного сына Отца нашего небесного.

Повисла тяжелая пауза. Барон как-то съежился, взгляд его блуждал по столешнице, избегая горящего янтаря королевских глаз.

– Но, прежде чем отвечать, вспомните: ложь сеньору является преступлением, а в случае если этот сеньор король – государственной изменой, а если он и сын Его, – Вариан указал в потолок, – святотатством. Подумайте хорошенько, Д'Ассо, прежде чем произнесете хоть слово! А пока вы думаете, я поделюсь одним интересным наблюдением. Когда мы приехали в ваши земли, мы поразились благополучию региона. Крестьяне имеют опрятный и сытый вид. Дома справные, большие, во дворах скот, поля засеяны и вспаханы, нет ни пяди простаивающей земли. Хроники утверждают, что еще со времен вашего отца не было ни одного налета эльфов – в то время как лорды по соседству сменились раза по три, а уж набегов и сосчитать невозможно! Сразу видно: ваши крестьяне не знают, что такое нужда, и не слишком тягостятся выплатами сеньору. Везде бы так! В то же время ваш прекрасный замок... Все эти каминные, деревянные ванны, гномье стекло в рамках, неплохо экипированное войско, библиотека в конце концов... Не похоже, чтобы вы, дорогой барон, могли позволить себе это на подати да жиденькую торговлю! Не мое, конечно, дело лезть в ваш карман. Налоги вы платите исправно, но, думаю, это неплохой повод для проверки.

Вариан перевел дух. Хозяин упорно отмалчивался, втянув голову в пухлые плечи.

– И еще, барон, вся эта эльфийская кухня... Вы же не думали, что я не отличу эльфийские плоды от людских, верно? – король многозначительно помолчал, затем резко выкрикнул Д'Ассо в лицо, грозно нависнув над ним: – Что у вас за дела с Настоятелем?! Ну, барон, смотрите мне в глаза и отвечайте сейчас же! Иначе, клянусь Отцом небесным, вы отсюда не выйдете. Отвечайте, но помните: преступление, измена и святотатство! Если вы солжете хоть в одном слове, будете гореть на костре под пристальными взглядами членов семьи, а после они также предстанут перед Страшным судом. Ваш дом раскатают по бревнышку, а земли засыпят солью! Ваш род ждет забвение, а лен отойдет короне!

Барон мелко затрясся, холодный пот струйками стекал по одутловатому дебелимому лицу, прячась в жиденькой бороде. Даже в такую глушь дошли слухи о душераздирающих публичных пытках и суровой жестокости молодого монарха. Д'Ассо знал: Вариан нисколько не шутит – кончина барона будет ужасающей. Решительность и быстрота короля успела войти в поговорку. Барон не был человеком ни твердым, ни решительным. Мир и процветание, обеспеченные его отцом, уютная семейная атмосфера под эгидой благоверной Д'Ассо тоже никак не способствовали этим качествам. Зато барон не был глуп и быстро смекнул, что призрачное наказание эльфов гораздо менее весомо, чем угрозы молодого и целеустремленного монарха. К тому же отец воспитал Д'Ассо набожным, а лгать в глаза сыну Божьему являлось поистине тяжким грехом. Не то чтобы хозяин замка всерьез верил в загробный мир, он куда больше думал о делах

земных, а все же вдруг правда? Отец небесный отступится от него, и кто знает, какими бедами это обернется на земле и в посмертии?..

– Я все скажу, мой господин! Только пощадите детей! Ни о чем больше не прошу, только не детей!

– Вы испытываете мое терпение, Д'Ассо! Отец наш милостив, ваше чистосердечное и полное признание, – Вариан с нажимом произнес это слово, – зачтется вам.

Эту фразу он хорошо затвердил, еще служа инквизиции в отряде будучи Утера. Обычно после того, как ее произносил сам наместник инквизиторов, даже самые упорные сектанты выкладывали все как на духу. Конечно, король не мог похвастаться такой внушительностью, но у него получалось неплохо – в самый раз для хитрых феодалов, затеявших что-то недоброе.

– Это эльфы, господин. В те дни, когда мой отец уже отошел от дел и слег, незадолго до его кончины, ко мне явились остроухие. Прямо в спальню, их не остановили ни толстые стены, ни стража. Они сказали, что будут слать письма через меня для Настоятеля. А если что-то заподозрят, то вырежут всех! Весь город! А меня и домочадцев ждет более тяжелая смерть в дебрях их проклятого леса, и наши души никогда не найдут дорогу к Отцу небесному и будут вечно привязаны к проклятым деревьям. За услугу они обещали оставить мой лен в покое. Поставлять семена редких фруктов, ткани, безделушки, которыми я и торгую... Я все взвесил и долго думал над этим. Что плохого в том, что народ не ведает нужды и войны?! И согласился. Я стараюсь для людей, но и о себе не забыл. Прошу, пощадите, Ваше Величество. Что в этом плохого?

Барон расплакался, но, выговорившись, успокоился и откинулся на спинку стула, покорно ожидая решения своей участи.

Вариан размышлял. Контрабанда, конечно, преступление, но не такое уж тяжкое. Переписка с Настоятелем и вовсе не преступление... Интересно, что же эльфы задумали? Барон чувствует себя виноватым. Надо выжать из этого по максимуму. А что если?.. Мысль показалась ему такой дерзкой, что он поспешил облечь ее в слова, прежде чем сомнения запечатают уста.

– Что ж, барон, твоя вина велика, преступления тяжки! Вы нарушили как земной закон, так и волю Отца нашего небесного, утаив факты от его сына. Но я учел раскаяние и чистосердечное признание. Вы уплатите сто золотых. Все семена немедленно передадите Ллойсу. Ввиду того что речь идет об иной расе, это дело особо деликатное. Пусть это положение пока сохраняется. Вы, барон, останетесь на своем месте. А я позабочусь о ваших детях, Д'Ассо! Они поедут со мной. Я учрежу при дворе особый институт – для детей господ. Там ваши отпрыски будут учиться и жить. У них будут лучшие учителя, которых только можно нанять за деньги. Сможете навещать их в любое время. А чтобы они не скучали, дайте им слуг, но не более пяти на каждого. Когда придет время, они вернуться в отчий дом. С переписки с эльфами будете снимать копию и отправлять мне. И еще, барон, – Вариан проникновенно взглянул в маленькие черные глазки вассала, – в ваших интересах, чтобы как можно больше знатных сеньоров направило детей в королевский институт. Встретимся за обедом, Д'Ассо.

Вариан хлопнул вассала по плечу, вынудив того накреститься, и твердым шагом покинул кабинет, а барон остался наедине с невеселыми думами.

Пленник

Еще с неделю Вариан гостил у барона, наслаждаясь теплыми, погожими деньками, охотясь в угодьях. На самом деле монарх был готов покинуть владения Д'Ассо уже на следующий день, но медлил в надежде захватить неуловимых эльфов. Ежедневно на доклад являлся Мюллих – то в образе слуги, то в виде трубочиста, один раз даже переоделся в золотаря, со всеми атрибутами выбранного образа. Вариану пришлось нелегко, но он мужественно выслушал короткий доклад и поспешил отпустить шпиона.

Барон же подготавливал детей к длительной поездке в столицу. Ллойс переговорил с благоверной Д'Ассо и совершенно очаровал ее. Он сумел найти нужные слова, и эта недалекая, но, как оказалось, деятельная женщина с нетерпением ждала, когда ее ненаглядные чада приступят к обучению. Баронесса строчила одно за другим письма родственникам и подругам, на все лады расхваливая затею Вариана.

Шла восьмая ночь пребывания в замке Д'Ассо. Вариан спал, утомленный опасной охотой на секача. В этот день ему пришлось хорошенько побегать и немало попотеть под тяжелой тушей. Барон не любил охоту, и звери в его лесах вырастали до совершенно неприличных размеров.

Чья-то рука потрясла монарха за плечо. Вариан с трудом разлепил глаза, но не увидел ничего в чернильном мраке ночи. Что-то сонно пробормотав, король вновь смежил очи.

Тихий голос прошептал:

– Тсс! Ваше Величество...

Вариан потянулся за кресалом. Теплая ладонь легла на его руки.

– Не надо! – Из мрака проступили контуры лица Мюллиха: – Мы его взяли!

Вариан проворно и бесшумно вскочил с постели, натягивая штаны.

– Веди! – бросил он, попутно надевая рубашку.

– Стоит ли? – ответила тьма. – Он без сознания.

– Я хочу видеть! – отвечал король.

– Хорошо, – покорился Мюллих. – Но к утру вы должны быть в кровати, иначе это будет выглядеть подозрительно.

– Да-да! – раздраженно прошипел сонный монарх. – Веди скорее!

Две тени выскользнули из окна уборной и по приставной лестнице спустились вниз.

– Мюллих! А как же стража?!

– Дозоры поставлены из рук вон плохо. Они просто пьют в караульных. Сегодня в их вине случайно оказалось снотворное. Но лесенку мы положим вот сюда, в кустики. Помогите мне, ваше величество. Только тсс!

– Куда идти?

– На конюшню. Барон был так благороден, что выделил нашему отряду отдельную. Там нас ждут.

– Мюллих, где его взяли?

– В замке, на втором этаже. У дверей баронова кабинета есть ниша, там я и схоронился. Чуть не уснул. Думал, опять зря проторчу. Признаться, я грешен, чуть не проворонил гада. Как он подошел, я не заметил, хотя скрываться ему было негде. Прямой коридор от края до края. Слышу – кто-то в замке ковыряется. Думал, померещилось, чуть высунулся – а там гость. Я и оглушил его кастетом. Думаю, слуги по ночам бродить не будут. Видимо, он не знал, что барон принимает гостей, иначе бы не сунулся сюда. Совершенно непонятно, как он проскользнул мимо наших. Мы его обшарили и связали. Одежда у него, хм, употеешь обыскивать, так что при случае мы его приоденем. При нем был конверт. Сейчас он у Ллойса – так сохраннее. Если со мной или моими людьми что-нибудь случится, хотя бы письмо останется у вас.

Два человека подошли к длинному и приземистому зданию конюшни. Зимнее стойло из толстых бревен не пропускало ни холод, ни свет. Лошади небольшого войска Д'Ассо содержались в уюте.

Тихонько скрипнула дверь, и две тени проскользнули в сонное помещение. Мюллих потянул монарха вглубь здания, где у дальней стены одно из стойл пустовало. В плотном мраке угадывались три фигуры – люди Мюллиха. Один из них приоткрыл прорези потайного фонарика и винтом поправил фитиль. Скупой свет узкой полосой упал на неподвижную стройную фигуру, лежащую на охапке сена.

Вариан второй раз в жизни видел живого эльфа. Первый был на коронации, да и то мельком. Пара вежливых фраз, немногочисленные дары – и снова церемониальная круговерть...

Лежащий если и был выше короля, то ненамного, зато сложением значительно уступал человеку. Пожалуй, он мог бы сойти за тощего, жилистого, высушенного солнцем южанина. Если бы не благородно-бледная кожа. Одет эльф был в просторные коричневые штаны с целой кучей карманов и карманчиков в самых неожиданных местах. Разнообразная шнуровка стягивала прорези и многочисленные клапаны. Такие же многочисленные шнурки украшали зеленый пятнистый жилет. Присмотревшись, король увидел искусно нарисованные листья. Иные пожухлые и расплывшиеся, другие молодые и зеленые, контрастные на светлом фоне.

– Нелегко увидеть засевшего в кроне стрелка в таком наряде, – проговорил монарх.

Вариан присел и провел рукой по странной ткани. Ни швов, ни ниток... Больше всего она напоминала кожу лягушки или рыбы. Плотная и гладкая, она никак не хотела собираться в валик, словно толстый, мясистый лист кувшинки. Король покачал головой и поправил фонарь в руке стражника, чтобы свет падал на лицо эльфу. Вариан невольно залюбовался гармоничными, точеными аристократическими чертами. Высокий лоб, окаймленный волнами соломенных волос. Тонкий нос, изящный разрез глаз, четко очерченные, точно рубленые, брови...

– Мюллих! – шепнул монарх, и чья-то рука легла королю на плечо в знак, что преданный слуга весь во внимании. – Завтра мы уезжаем. Сколько можно уже собираться? А то как гномы – прощаются и не уходят. Сейчас перебросьте его подальше от города и схороните. Мы пойдем медленно. Вечером найдешь меня, и мы его допросим.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – тихо, на грани слуха, прошелестело в ответ.

Монарх поднялся. Свет тут же погас. Чья-то рука несильно потянула его за ремень, и король послушно последовал за провожатым.

Назад вернулись без происшествий. Даже многочисленные собаки ни разу не гавкнули. Вариан крепко подозревал, что им тоже подсыпали снотворного или просто перерезали поводки. Он еще долго ворочался в постели, мысленно перебирая вопросы для загадочного посыльного.

Утром короля, к вящему его неудовольствию, разбудил Ллойс.

– Вставайте, Ваше Величество. Пора и честь знать! Люди уже запрягают лошадей. Вы как раз успеете позавтракать. Завтрак вот-вот подадут в парадной зале.

– Гномьи каверны, Ллойс! Еще темно!

Сенешаль широким жестом распахнул деревянные ставни, впуская свежий осенний воздух.

– По моим подсчетам, солнце будет с минуты на минуту.

И тут же, подтверждая его слова, где-то заголосил петух, и над горизонтом показалась раскаленная полоса восходящего светила. Вариан поежился – осень давала о себе знать даже здесь, на востоке.

– Ох, Ллойс, когда-нибудь я сошлю тебя на север. Как там барон?

– Ждут в столовой, – голос слуги был, как всегда, бесстрастен.

– Нехорошо заставлять хозяина долго ждать. Тащи воду!

В ответ сенешаль протянул выбеленное полотенце и, склонившись, широким жестом указал на лохань с парящей водой.

Все же Ллойс был не просто ученым человеком, где-то в глубине души он был просто кудесником – и вскоре, гладко выбритый, посвежевший, помолодевший и благоухающий, король покинул спальню без следа усталости и намека на сон. Молодое тело бурлило, настроение было отменное. Казалось, как мало нужно для счастья! Гладко выбриться в кипятке, слегка помассировать голову и причесаться жесткой щеткой!

Вариан самолично распахнул массивные, тяжелые двери в столовую, приветствуя лучезарной улыбкой сонное семейство Д'Ассо, застывшее у стола.

– Прошу вас, друзья, не стойте столбом! Присаживайтесь скорее! Нужно как следует подкрепиться – молодых людей ждет долгий путь.

Молчаливое семейство Д'Ассо угрюмо заняло свои места.

– Барыни, вас ждет цвет рыцарства, – Вариан широко улыбнулся девочкам и мимолетно подмигнул супруге барона, отчего та зарделась, точно маков цвет. – Вы, должно быть, слышали об Утере, Молоте колдунов. Обещаю, если будете хорошо учиться и прилежно себя вести, я вас обязательно познакомлю. И вас, баронет, тоже. Думаю, глава пресвятой инквизиции с охотой преподаст несколько уроков фехтования. Утер большой охотник до этого дела. Но, – сменил тон король, видя, как наследник восточных земель оживился и заерзал на месте, точно уселся на ежа, – только при прилежном поведении и успехах в учебе. Слушайтесь учителей, как собственного отца.

Вариан заливался соловьем, описывая будущий университет и жизнь при дворе в столице, не забывая метать в рот парящие куски молодой баранины под острым соусом.

Наконец, осушив кубок горячего вина, король отодвинулся от стола, давая понять, что трапеза окончена. Семейство барона поспешно поднялось.

– Что ж! Барон, приезжайте к нам по весне, погостите при дворе, посмотрите, как вырастут ваши дети, и оцените, чему они научились.

– Вы так добры, ваша милость, – угрюмо пробормотал Д'Ассо.

– Да не тушуйтесь вы, мой друг! Помните: ваше будущее в надежных руках!

Вариан серьезно и многозначительно поглядел на барона. Тот отвел глаза от твердого и жесткого дикого янтаря глаз молодого, но успевшего заработать славу решительного и скорого на жестокую расправу монарха.

– Ничуть не сомневаюсь, ваша милость, – горько обронил хозяин замка.

– Вот и чудно. Я рассчитываю на ваше влияние на соседей. Все потомки моих вассалов должны обладать необходимыми знаниями для управления землями, которые им даровала корона. А где их получить, как не в королевском университете?

Молодые люди распростились с отчим домом, и караван тронулся в неблизкий путь.

Процессия, обремененная каретой и телегами со скарбом молодых студентов, едва плелась по разбитой, извивающейся змейкой дороге. Молодой баронет вертелся около начальника гвардии, рассматривая диковинные доспехи. В восточных провинциях предпочитали чешуйчатую броню, и цельнокованные кирасы были в диковинку наследнику Д'Ассо.

Настал долгожданный вечер. Королевские гвардейцы развернули лагерь, и, пока повар из числа людей Д'Ассо готовил жаркое (Вариан решил доверить готовку профессиональному повару и немного разгрузить воинов), монарх нетерпеливо прошмыгнул в шатер и надорвал захваченный конверт.

К вящему неудовольствию, текст в письме оказался эльфийским. Что ж, этого стоило ожидать. Вариан немного владел языком. Сложнейших виршей он, конечно, не составит, но написать простенькое письмо мог. Тут же половина букв была незнакома, явно какой-то диалект или наречие. Мало того, буквы вообще не складывались в слова. Желваки на лице короля заходили ходуном. Губы сжались в бледную бескровную полоску. Он с трудом удерживался.

жался от соблазна садануть подбитым сапогом по пузатой железной печурке, подаренной заботливым бароном Д'Ассо. Вариан несколько раз глубоко вздохнул, изобразил расслабленную улыбку и вышел из шатра.

Вскоре сервировали ужин. Вернее, сервировали только для людей Д'Ассо. Вариан, по своему обыкновению, трапезничал в кругу личной гвардии, что, конечно, было недопустимо для молодых дворян, ну а монаршие особы имеют права на всякие причуды...

Во время ужина солдат рассказывал веселенькую историю, как он соблазнял мельничиху во владениях восточного барона. Один из гвардейцев легонько толкнул короля плечом.

– Плесните винца, милорд! – протянул он мятый медный кубок.

Вариан хотел возмутиться фамильярности бойца и хорошенько начистить его наглую рыжую физиономию, как вдруг охнул:

– Мюллих! Отец наш заступник!

Разведчик змейкой выскользнул из круга гогочущих солдат. Король подал условный жест капитану и скользнул следом в стремительно темнеющий подлесок.

Шли долго, по пути их нагнали капитан и Ллойс с еще одним провожатым. Вариан молча сунул Ллойсу письмо. Тот проглядел его в стремительно сгущающихся сумерках и покачал головой. Король только скрипнул зубами.

Наконец отряд вышел на небольшую хорошо освещенную факелами поляну. Посреди лужайки, распяленный меж двух столбов, висел эльф. Диковинного одеяния больше не было. Его заменяли легкие домотканые штаны да рубаха с коротким рукавом. Эльфа окружало с десятков человек охраны, людей Мюллиха.

Рыжий солдат шепнул Вариану:

– Еще столько же рассредоточено по лесу вокруг. Сколь бы опасны эльфы ни были, вы успеете отойти к основному отряду.

Король молча похлопал разведчика по плечу, благодаря за отлично проделанную работу.

Вариан, Ллойс и Мюллих приблизились к эльфу.

– Как тебя зовут? – спросил король.

Затем повторил вопрос на эльфийском. Никакой реакции. Пленник просто глядел сквозь людей. Точно был тут один. Вариан вздохнул и отвесил эльфу могучую оплеуху – не опасный, но постыдный для мужчины и воина удар. Голова пленника мотнулась, увлекая тяжелую волну медовых волос. Грязно-голубая кровь заструилась из разбитой губы.

И вновь никакой реакции. Словно его совершенно не волновало, что с ним могут сделать эти люди. Все тот же отстраненный взгляд в пустоту.

– Что ты делал у моего вассала?

Снова несколько болезненных ударов. Болезненных для человека, но, видимо, не для эльфа. Ни один мускул не дрогнул на благородном лице. Сбитое от ударов дыхание вновь сменили спокойные, глубокие вдохи.

– Смотри! – Вариан достал конверт. – Что здесь написано? Мы все равно узнаем, когда доберемся до столицы. Просто скажи, и мы тебя отпустим, клянусь честью!

Монарх не собирался отпускать пленника, ведь нарушение собственного слова, данного нечеловеку, не считалось чем-то предосудительным!

– Позвольте мне, милорд, – бесцветно произнес Ллойс.

Вариан вскинул бровь, но посторонился...

– Ты слышал моего господина. Отвечай на вопрос! – скучающим голосом произнес сеньшаль, до треска выкручивая пальцы эльфа.

Вариан поморщился от мерзкого хруста и чавканья вывернутого сустава. Ллойс покачал головой и небрежно вернул палец на место. Молча и деловито он выкручивал суставы и держал руку пленника в пламени факела, пока бледная кожа эльфа не потемнела и не пошла дымящимися волдырями.

На все эти манипуляции остроухий даже бровью не повел. И ни на миг не сфокусировался на мучителях.

– Полегче, Ллойс! – осадил его Вариан. – Я вижу, это крепкий орешек. Побережем его до дома. Там им займутся инквизиторы. Все, что мы можем придумать, лишь детские игры по сравнению с их арсеналом. Мы только испортим добычу.

– Чувствую, им придется повозиться, – отвечал слуга, передавая факел Мюллиху.

Вариан вернулся в лагерь и провел остаток ужина в кругу молодых дворян, в красках расписывая столицу и будущий университет. Теперь даже дамы были готовы вскочить на коня и настегивать животное, пока оно не принесет их в благословенный город. Этому и добивался король. Как говаривал Ллойс: «Лучший пленник – тот, кто сам не хочет покидать темницу».

Место под солнцем

– Входи, Дэриан! Угощайся! Настойка яда мантикор! Прямиком с глубинных лабораторий гоблинов! Поговаривают, полезна для здоровья! Только, хм, смотри не проболтайся, что доверенный самого Владыки, – Дзынитер указал вверх пальцем, похожим на пухленькую сосисочку, унизанную перстнями стоимостью в целое состояние каждый, – забавляется контрабандой.

Дородный торговец пьяненько хихикнул.

– Дэри! Вот и настал твой час! Ты можешь доказать полезность! Незаменимость! Свою... – Дзынитер неуклюже пошарил в воздухе пятерней, стараясь ухватить нужное слово. Так и не найдя, махнул пухлой рукой: – Отправишься на поверхность! Во главе миссии! Ой! Только не надо этого! Челюсть подбери! И не пучь на меня глаза! А как ты хотел?! Кого мне отправить?! Пойми, все ж болваны...

Глава торговой гильдии фривольно приобнял оторопевшего помощника, печально дыхнув в лицо лютым перегаром. Судя по запаху, гоблины добавляли в гнусное пойло не только яд мантикор, но и их помет. Мысли Дэриана поехали в сторону, цепляясь друг за друга.

– Эх, старина! Мне будет тебя не хватать! Ах, кабы я был на сотню-другую лет помоложе! Я бы сам!! – Торгаш рванул дорогой ворот, выказывая решительность. – Ты пойми, стоит мне исчезнуть, они ж все продадут и сами продадутся! Все рухнет! Нельзя так рисковать. А игра-то, игра, дорогой мой, пошла всерьез! Владыка! Сам. Лично. Следит! Мы не можем ошибиться!

Для пушей убедительности Дзынитер потрянул подчиненного за грудки. Ошеломленный гном, пришибленный адским пойлом и удушающим смрадом, пытался твердо удержаться на ногах.

– В общем, поедешь к людским князьям с подачкой! Возьми в аренду земли сколько сможешь! Получше! Найми рабочих. А мы будем мостить к тебе дорогу! Как до тебя доберемся, чтоб первое стадо готовилось к отправке! Ты понял?!

– Да, благороднейший! – сказал Дэриан, лишь бы что-то вставить в затянувшийся монолог захмелевшего торгаша.

– Я на тебя надеюсь! Если с местными болотниками не срстется... Лучше тебе не возвращаться! Все! Убирайся!

Толстяк с силой оттолкнул гнома, тот едва не угодил в пылающий дорогами дровами камин. Дэриан понял, что аудиенция на этом закончилась.

По бескрайним топям северо-запада пробиралась группа гномов под предводительством тана Дэриана. Копыта лошадей, нагруженных увесистыми мешками, вязли в зыбкой почве, жадно чавкающей под ногами. Охрана каравана то и дело подталкивала усталых животных, облепленных болотной грязью, осложняющей путь в людской оплот – город Келек, находящийся в нескольких днях пути по непроходимым болотам от грозного горного царства.

Гном знал, что по душе местному феодалу, и вез его самый любимый груз – золото. Необъятное пространство беспокоило путников сильнее успеха в выполнении порученной миссии.

– Стой, привал! – закричал тан, окинув взглядом холм, возвышающийся над болотами, поросший чахлой травой, кустарником и редкими деревьями.

– Распрягите пони, они нужны живыми, – произнес Дэриан, глядя на измученных животных, – выставить дозор и провести разведку. Необходимо найти безопасный маршрут.

Гномы забегали, выполняя приказы. Тан сел, прислонившись спиной к невысокому деревцу, поочередно выливая воду из сапог, сетуя на пройденный путь. Сон смежил очи.

Проснувшись от капель воды, стекающих по лицу, Дэриан взглянул ввысь. Небо затянули тучи, начался дождь. Пробуждение ускорило один из воинов, прикомандированных для похода.

– Милорд, мы нашли подходящий путь, но если дождь усилится и уровень воды в болотах поднимется, мы рискуем угодить напрямик в топь. Стоит выдвигаться немедленно, иначе с таким грузом нам не пройти, застрянем здесь, пока земля не впитает воду.

– Наш народ ждал много веков, один день нам не страшен, – с явным недовольством проговорил Дэриан. – Разбивайте лагерь, заночуем здесь.

Ночь наступила раньше, нежели работники успели завершить порученное. Сгущающиеся тучи опустили на поверхность болот. Мгла окутала путников. Дождь, не стихая, барабанил по тонким стенкам палатки.

Мозг гнома, оказавшегося в негостеприимной среде, рисовал самые невероятные картины. Напряженные нервы раздражали доносившиеся с болот чавкающие звуки, пугающие первопроходцев. Едва ли ночлег в таком месте мог радовать. Высокородный гном закрыл глаза, представив теплую уютную постель в Подгорном царстве. Приятные мысли прогнал усиливающийся шум, доносящийся теперь со всех сторон. Болота кишели нечистью и опасными тварями, утопшими здесь когда-то и теперь поднятыми неведомой силой в новом облиции полуразложившихся трупов.

– Тревога! Тревога! – раздался крик в ночи, после тишину развеяли несколько выстрелов порохового пистолета.

Дэриан выскочил из палатки, попутно схватив клинок. Сквозь отблески едва горящего костра, чуть разгоняющего мрак, тан увидел стражника, размахивающего факелом в надежде отогнать болотных тварей, наступавших со всех сторон.

– К оружию, братья! – прокричал Фоли, капитан стражи.

Рослый гном недюжинной силы с огромным двуручным мечом бежал навстречу неприятелю.

– Слушай мой приказ! Занять круговую оборону, сомкнуть щиты!

Воины без лишней суеты выполняли команды, создав небольшой круг, укрыв внутри остальных членов отряда, прижавшихся друг к другу в тесном пространстве битвы.

– Дэриан, не высовывайтесь! – закричал Фоли, принявший командование в бою. – Мы будем биться, кидайте через нас зажженные дрова, это может отпугнуть врага!!

Фоли был прав, но, на беду, дрова быстро закончились, оставшиеся, промокшие под дождем, едва горели. Гномы поняли, что совершили ошибку, и расплатой станет сражение в кромешной тьме, под слабый свет затухающих факелов и угасающие отблески языков пламени костра. Под руководством капитана, отдающего приказы, гномы оттеснили тварей с горы, заняв возвышенность и получив небольшое преимущество. Поток монстров, гонимых жаждой плоти и крови, не иссякал. До рассвета оставалось около четырех часов.

Бойцы рубили врага отчаянно и без устали. Фоли знал лично каждого и не сомневался в стойкости воинов, но переживал, что гномы начнут уставать от непрерывной битвы.

Дэриан подбежал к капитану, показывая рукой в сторону места, где лошади были привязаны на ночлег и отчаянно пытались отбиться от медленно наступающей угрозы, скача что есть сил и лягаясь. Некоторые животные уже лежали на земле, поедаемые тварями, похожими на растения с ужасными щупальцами.

– Капитан, нужно спасти оставшихся пони, иначе не увезти груз! – прокричал Дэриан.

– Боюсь, мы потеряем много сил в попытке пробиться, неизвестно, сколько еще нам нужно продержаться... – ответил Фоли, наглухо закованный в латный доспех.

– Мы попробуем это сделать, – сказал Дэри. – Смотреть, как вы сражаетесь, толку нет. Приведем сколько сможем.

– Это опасно, Дэриан! Я не могу вами рисковать.

– Я беру ответственность на себя.

– Мы разомкнем строй, если что пойдет не так, возвращайтесь! – рявкнул капитан.

Расстояние до животных, не более двадцати метров, казалось непреодолимым, бесчисленное количество болотных тварей преграждало путь отважным гномам.

Собрав команду, Дэриан встал во главе – и через мгновение воины расступились, открыв проход. Дэриан усомнился в успехе затеи, но назад пути не было. Гордый гном не мог уступить перед лицом опасности. Смело рубя клинком тела врага и медленно пробираясь к скакунам, в пылу битвы тан не заметил, как часть отряда оказалась на земле. Не обученные сражаться гномы в легких доспехах с трудом противостояли полчищам тьмы. Пробравшись, гномы с трудом оседлали беспокойных жеребцов и стремительно помчались вспять. Казалось, испуганная лошадь на мгновение превратилась в рыцарского скакуна и, разбивая корпусом ряды врагов, окружающих упавших товарищей, расчищала путь к отступлению.

– Заносите раненых в круг, мы прикроем! – надрывая грудь, вскричал Дэри, с трудом удерживаясь на пони, то встающем на дыбы, то вдруг начинающем лягаться и отбрасывать мощными копытами попавших под удар прочь.

Чудом вернувшись в спасительный круг, тан сполз с рысака и подбежал к раненым товарищам. Трех участников вылазки покусали, но все же геройство было ненапрасным – удалось спасти двух лошадей. Спустя несколько часов ожесточенной битвы силы гномов были на исходе. Круг сомкнулся до ничтожно малых размеров в десять воинов, дабы остальные смогли немного отдохнуть от боя. К счастью, вскоре начало светать, и с первыми лучами солнца гады стали отступать в болота, из которых выбрались.

Отряд одержал победу, но до людского оплота оставалось больше двух дней пути. Предстал непростой выбор: повернуть назад, собрав войско для похода, или же продолжить путешествие в прежнем составе, невзирая на усталость и понесенные в бою потери.

После короткого отдыха Дэриан принял решение закопать часть золота на пригорке: доставить груз вымотанному отряду было не по силам. Собрав пожитки и снарядив оставшихся животных, гномы выдвинулись в Келек. До наступления темноты удалось выбраться из болот, и уже в сумерках караван ступил на твердую землю.

Отойдя на достаточное расстояние от беспокойных топей, Дэри решил сделать привал на ночлег. На опушке леса гномам удалось собрать достаточно дров. Разведя большие костры вокруг лагеря, выставив дополнительных часовых, готовых подать сигнал при первых признаках появления неприятеля, гномы коротали ночь. Благодаря мерам предосторожности происшествий не случилось. Хотя вряд ли кто-то сомкнул глаза. За следующие сутки гномы преодолели расстояние до города и, сняв целиком таверну, решили выспаться, дабы утром отправиться с визитом к местному феодалу.

Малкольм пребывал в хорошем настроении – еще одно беззаботное утро феодала в отдаленной провинции. Хоть князек и не был на хорошем счету у короля, никто не мог, вернее, даже и не хотел бросать ему вызов. Западные земли болотного края Мургады не пользовались спросом среди придворных. Многие здесь пропадали без вести, заблудившись, а иные находили смерть от клинка разбойников или при встрече с разного рода тварями, обильно населявшими здешние места.

Феодал сидел в светлой комнате и, глядя в окно, попивал крепленое вино. Умиротворение нарушил стук в дверь.

– Простите, что отвлекаю от важных дел, милорд. С вами хочет встретиться помощник главы гномьей гильдии торговцев Дэриан.

– Что ты несешь, собака? Ты что, опять пьян, тебе уже гномы мерещатся? На этот раз я прикажу тебя выпороть!

– Простите, милорд, к вам и вправду явились карлы.

Малкольм, не глядя на советника, вскрикнул:

– И что же нужно чертову гному в нашем захолустье?

- Мне велено передать – у него важный разговор.
- Убирайся, скажи, может ждать в зале, сейчас спущусь.

Глава западных земель глотком осушил кубок вина и через минуту спускался по изящной деревянной лестнице, ведущей в зал приемов.

– Милый Дэриан, – промолвил Малкольм, – что занесло гнома в наши края, неужто нужда?

Феодал ехидно улыбнулся. Дэриан сохранял спокойствие.

– Рад знакомству, Малкольм, у меня деловое предложение, которое сделает тебя более богатым и сильным.

Гном знал, на что надавить, чтобы человек уступил.

– Звучит заманчиво... Я готов слушать, не зря же ты проделал столь долгий путь. Присаживайся за стол, в ногах правды нет. Еды нам, – Малкольм бросил взгляд на прислугу.

Спустя несколько минут стол ломился от яств.

Не притронувшись к еде, Дэриан продолжил разговор:

– Прошу прощения, Малкольм, но я перейду сразу к делу!

– Конечно, – заметил феодал. – Я сам терпеть не могу всякие любезности и вступительные речи.

– Моему народу необходимы плодородные земли, семена, скот, мы желаем заняться земледелием. Требуются люди, способные обучить нас, – разумеется, не бесплатно. Плохо от обмена не будет никому.

– Ошибаешься, дорогой... – феодал сделал паузу, вспоминая имя гнома, – ...Дэри, зачем мне продавать вам все это? Наладив хозяйство, вы перестанете покупать у людей товары, и мы станем беднее. К тому же король не разрешит отдать ни пяди земли чужакам, будь она хоть в преисподней.

– Напротив, – возразил гном, – ваши владения не торгуют с гномами, доля рынка ничтожна. Мне же по силам увеличить объем западного рынка. Казна наполнится монетами, а ты, Малкольм, сравнишься по богатству с короной. Это хорошее предложение. Такой шанс выпадает лишь раз в жизни! Не упusti его... Если не ты, то кто-нибудь другой, – равнодушно пожал плечами гном. – Если моя миссия провалится, pošлют другого гнома к другому феодалу. Ты же знаешь, – улыбнулся хитрый тан, – Каменный престол не умеет отступать. И королю вовсе не обязательно знать, заключим ли мы договор между собой. Проверяющие не сменяют домашних тапок на болотные сапоги. Найдись такой – без труда купишь молчание. А то, может, он и в болотах заблудится, не ровен час, – заговорщически подмигнул гном.

Малкольм погрузился в молчание. У гнома заныло в желудке: а вдруг не согласится?! Топать с позором назад по болотам. А то еще и убьет всех по-тихому, а деньги отберет! Не было никаких гномов – и все тут! Но Дэриан не подал виду и принялся равнодушно изучать кусок улицы, видневшийся сквозь раскрытое окно.

– Предположим, я дам землю в аренду, что мне с того? – прервал наконец тягостное молчание сеньор.

– А вот это уже деловой разговор. Что ты хочешь?

– Я хочу тридцать золотых сразу и по десять каждый год.

– Неслабый у тебя аппетит, Малкольм. Думаю, могу дать тебе десять золотых сейчас и по пять каждый год.

– Ты зря тратишь мое время, гном! Тридцать и по десять каждый год, – вспыхнул было Малкольм.

Дэриан подал знак рукой, и в зал внесли ларец; высыпав на стол содержимое. Гном улыбнулся, он знал – вид золота сделает Малкольма более сговорчивым.

– Я бы мог уговорить главу гномьего банка одолжить кредит под низкий процент для личных нужд – до меня дошли слухи, что тебе необходимы деньги, но банкиры не идут навстречу.

Эти скряги полагают, что тебе нечем будет рассчитываться, уж я-то их знаю! Но видя, что твои земли арендует такой уважаемый тан, как я, они наверняка станут сговорчивее. У меня есть рычаги, способные повлиять на их решение. Взамен дашь в придачу несколько десятков мешков семян, крестьян в помощь и по пятьдесят голов овец и свиней, – продолжал Дэриан.

– Это очень тяжелые условия тан, необходимо время.

Дэриан вновь подал жест рукой, и гном в доспехах начал собирать золото со стола.

Малкольм переменялся в лице, смотря, как блестящие монетки скрываются из вида в расписном ларчике.

– Ларчик я оставляю тебе в качестве подарка, – нарушил тишину Дэриан, – вместе с содержимым.

Гном улыбнулся.

– Сразу скажу: пахотных мест у меня мало. Медвежий лог могу предложить, правда, там ничего съедобного не растет.

Жест хитрого торговца склонил чашу весов в его пользу. Феодал молча протянул руку в знак согласия на совершение сделки.

– По рукам.

– Я распоряжусь, груз заготовят, людей дать не смогу, но позволю нанимать на работу.

– Я еще не закончил, – продолжал тан, – деньги я отдам твоим людям на полпути по дороге в гномье царство, пусть проводят на арендованную землю. Предоплату внесу медяками, лишь узрею стадо и семена. Составим договор, после этого пожмем руки.

Малкольм лишь фыркнул. Как и все провинциалы, он не любил крючкотворов – оттого, наверное, что в целом не любил выполнять договоренности.

Хороший повод

Последние лучи заходящего солнца покинули зал приемов западного оплота людей, уступая место множеству свечей и факелов, озаривших помещение и создавших уютную атмосферу пира. В углу ютились музыканты, готовясь к предстоящему выступлению. Окна занавесили плотной тканью, дабы не выдавать времени суток, создавая обстановку бесконечного праздника.

За большими дубовыми столами сидели люди и гномы, сопровождающие тана Дэриана. Прислуга металась по залу, разнося жареных поросят, лосятину и медвежатину. Кубки наполнили местной настойкой.

Во главе стола восседал Малкольм, рядом Дэри и разного рода придворный люд по старшинству. Все ждали подписания договора, еще больше – пышного пира после. Час настал, Дэриан поставил пером подпись от имени гномьего народа. И зал сотряс радостный возглас собравшихся, долго ожидающих начала праздника. Кедровка лилась рекой, все веселились, кроме Дэри.

Гному тяжело понять человеческий юмор и развлечения, являвшиеся прямой противоположностью гномьих посиделок, грустных по сравнению с людскими и ограничивающихся поеданием угощений. Гномы в большинстве своем употребляли много алкоголя, но на вечерах не играла музыка и отсутствовали развлечения. Гномы сохраняли серьезность. Беседы были редки и заключались в выслушивании речей танов по старшинству. В завершение вечера обычно проводились битвы и состязания.

Дэриан понимал, что подписание договора – лишь начало. Предстоит проделать огромную работу по воплощению в жизнь написанного на бумаге.

Кубки ударились друг о друга, кедровка переливалась и выплескивалась на обильно уставленный пищей стол. Гномы пришли в замешательство: им было невдомек, отчего люди понапрасну переводят алкоголь и стучат посудой.

Но ясность внес Малкольм: увидав задумчивое выражение физиономий гостей, феодал посмотрел на Дэриана и с улыбкой на лице громко проговорил:

– Уж не хотите ли вы нас отравить?

И, не дождавшись ответа, с силой врезал кубком о кубок гнома, смешав их содержимое.

Алкоголь имеет замечательное свойство прогонять из головы грустные думы: вскоре серьезный гном залился улыбкой при выступлении развлекающего их шута. Карлик в смешной шапке с бубенцами бегал по комнате, то и дело исполняя различные акробатические номера, после и вовсе нарядился в шкуру осла и сменил бубенцы на шапку с ушами. Шел с мешком, изнемогая от тяжести, а после высыпал на стол камешки и стал собирать в торбу землю с пола, показывая пародию на удачную сделку гномов с людьми.

В конце выступления состоялся бой карликов на свиньях, демонстрирующий противостояние древних рас. Изрядно подвыпившая публика забрасывала шутов костями и объедками со стола. В завершение номера убежавший карлик вынес телом деревянную дверь. Вдогонку ему слышались выкрики со стороны людей:

– Все карлы – те же шуты, договариваться бессмысленно.

Напряжение нарастало. Возникающие за столом конфликты поначалу удавалось сдерживать. Вскоре недовольство отдельных людей переросло в драку с гномами, так что буйнов смогли разнять только прибывшие стражники.

Малкольм приказал посадить людей, зачинщиков драки, в тюрьму, а двум самым буйным в знак назидания отрезали указательный палец и, зажав, заставили сожрать.

«Славный банкет должен заканчиваться хорошей дракой», – подумал изрядно подвыпивший Дэри. Покинув зал, он отправился в комнату на постоялом дворе, где мгновенно заснул на мягкой перине.

Проснувшись от гомона, доносящегося с улицы, Дэриан выглянул в окно. Во дворе паслись животные, подготовленные для отправки, а рабочие нагружали повозки мешками. Детишки разглядывали пони – диковинная маленькая лошадь недюжинной силы вызывала восторг и интерес.

Гном поспешил на улицу – проконтролировать процесс погрузки, зная, что люди могут чего-то недоложить. К своему удивлению, тан встретил Малкольма, наблюдавшего за работой.

– Вот так встреча, – промолвил Дэриан, борясь с головокружением, вызванным большим количеством выпитого накануне спиртного. – Не ожидал такого почтения, еще и в столь ранний час.

Гном мельком глянул на позолоченный механизм хронометра, висевшего на цепочке, у пояса, – большая стрелка стояла на восьми часах утра.

– Вам нужно отправляться, многие недовольны сделкой, но я свое слово сдержу! Вот карта, я указал области, которые вы можете обрабатывать и возводить хижины для жизни и хозяйственных нужд. Это все, что я могу для вас сделать. Уходите, как завершится погрузка. Отряд всадников сопроводит вас и заберет обещанное. Дальше уже своими силами.

– Благодарю тебя, Малкольм, – отвесив поклон, ответил Дэриан.

Час спустя гномий отряд шел по извилистой разбитой дороге, ведущей к топям. Вдоль неприступной стеной тянулись деревья, лес казался недружелюбным гному, привыкшему к жизни в пещере. За каждым деревом и кустом мерещился враг. Частый кустарник закрывал небольшие просеки, делая их непроходимыми.

Командир людского отряда всадников поднял кулак вверх, отдавая команду людям, поравнялся с Дэри и вполголоса, почти шепотом, проговорил:

– Будьте начеку, здешние места кишат бандитами. Более удобного места для нападения не сыщешь: вылез из леса, убил и потащил обратно, а там тебя уже никто не найдет.

Человек в доспехах демонстративно провел ребром ладони по горлу, тем самым выражая высший уровень опасности.

Ноги Дэриана немного обмякли – казалось, они перестали слушаться хозяина и отказывались идти вперед. Тан решил не пугать и без того замученных гномов. Он с трудом приказал ногам двигаться дальше. Дорога круто поворачивала. Всадник жестом приказал остановиться, и караван замер. Впереди на пути лежало несколько поваленных деревьев. Двое всадников, спешившись, отправились оценить обстановку. Подойдя к преграде, человек развернулся и закричал:

– Все в порядке!

В тот же момент шальная стрела поразила воина, повернувшегося спиной к смертельной угрозе. Еще несколько стрел – и воин ударился оземь, придавленный сраженным конем. С шумом деревья по обе стороны дороги повалились, перекрыв путь к отступлению.

Тан не понял, что произошло, – в какой-то момент мощная рука затащила его под щит. Камнепадом посыпались стрелы, отлетая от квадрата закаленной стали. Перед Дэрианом упал гном, пораженный стрелой в сердце. Прикрываясь щитом, Фоли оттащил ошеломленного торговца в образованную гномами черепаху. Казалось, стрелы градом сыплются отовсюду на попавших в засаду путников.

– Гномы, отходите лесом, – послышался знакомый голос, ранее предупреждавший об опасности старого тана.

Дети подземелий пытались отстреливаться из арбалетов сквозь узкие щели защитного построения. Но бой в чужой среде изначально оказался неравным. Голоса, стоны, свист стрел и болтов, последние крики умирающих животных смешались в один звук – звук битвы.

Фоли скомандовал отходить к лесу, и медлительная черепаха поползла в сторону деревьев. Вдруг град прекратился так же внезапно, как и начался. Редкие тени, мелькая над деревьями, потянулись от дороги в чащу леса.

– Зуб даю, это ушастые твари, будь они трижды прокляты, – взревел старый капитан Фоли, пытаясь вытащить стальной наконечник, пробивший доспех в области плеча, и глядя на лежащих рядом раненых гномов. Раздался щелчок арбалетного выстрела. Тень ударилась оземь, приобретая вполне человеческое лицо.

– Нет, капитан, это вполне человекоподобные бандиты, – перезаряжая арбалет, проговорил предводитель всадников. – Преследовать их смысла нет. Ходы по деревьям у них налажены, есть риск потерять весь отряд. Чтобы искоренить этих скотов, нужна целая армия – или еще проще поджечь лес и ждать, пока они сами разбегутся, а потом убивать по одному.

Наклонившись к еще дышащему врагу, достав нож, всадник перерезал ему глотку, вытер кровавый клинок об одежду умерщвленного врага и с силой оттолкнул ногой бездыханное тело. Подойдя к Фоли, человек указал пальцем в сторону.

– Что это там?

Раненый капитан обернулся и, с криками вспоминая всех богов и чью-то мать, схватился за плечо – человек уже держал в руках острую стрелу с пестрым оперением и, принохавшись, хладнокровно проговорил:

– По-другому никак. Повезло, что стрела не отравлена, – значит, она рассчитана не на воина, а на простого торговца.

После, немного отойдя от битвы, командир вновь обратился к гномам и с ухмылкой на лице сказал:

– Счет почти равный: они отступают, встречая сильное сопротивление, охотятся отрядами по десять – двадцать человек. Исходя из того, что убили мы пятнадцать, засада предназначалась не для нас. Можем не бояться их возвращения. Собирайтесь в дальнейший путь, ночевать здесь опасно. Если встретим ночь в пути, пойдем в темноте, чтобы не стать мишенью. Я отправлю донесение в замок – Малкольм вышлет карательный отряд в помощь, дабы мы могли вернуться обратно живыми. А сейчас собирайте пожитки и раненых, а мертвых придется закопать здесь.

Спорить с человеком никто не стал. Закопав убитых людей и гномов рядом, в братской могиле, отряд сделал по глотку горькой настойки и молча двинулся в дальнейший путь. Никто не сетовал на судьбу и раны в бою. Все понимали, на что шли.

Стадо изрядно поредело: часть животных была убита, а другие просто разбежались, и ловить их по лесу было бессмысленно. Оставалось всего шестнадцать овец и около двух десятков свиней. Часть убитых животных взяли с собой в качестве еды.

Как ни спешил караван, ночь настигла в пути, и отряд передвигался в кромешной тьме по казавшейся бесконечной петляющей дороге. Ближе к рассвету подул легкий влажный ветерок, несущий в себе запах разложения и гнили, извещающий о приближении к топям.

Ступив в болота, один из всадников едва не увяз в трясине вместе с конем, их чудом удалось вытянуть. Люди спешили, не горя желанием повторить участь соратника.

Перегон животных затянулся. Всячески сопротивляясь, хвостатые отказывались лезть в топи. После долгих мучений гномам удалось привязать животных друг к другу веревками и заставить идти по редким тропкам, а кое-где переносить стадо на руках. То и дело четвероногие проваливались в коварные бочаги, их пытались вытащить, но повезло не всем.

Всадники, сопровождавшие отряд, помогали гномам в этом нелегком деле за обещанную скромную плату. С трудом, сквозь тьму, потеряв часть стада по дороге, путникам удалось добраться до холма с зарытым золотом. Дальнейшее передвижение становилось опасным. Нехотя гномам с людьми пришлось заночевать на том же месте, где отряд отбивался от полчищ нежити.

Поутру выяснилось, что феодал отдал в аренду гномам то самое место, где были зарыты мешки с золотом и брошена часть снаряжения.

Брезгливо осмотрев новые владения, Дэриан приказал откопать запрятанные сокровища и передал командиру всадников обещанную сумму.

– Мы отходим в город, приказа сопровождать вас дальше не было. Надеюсь, ваше поселение обезопасит здешние места. Желаю удачи!

Поредевший отряд людей удалился в обратном направлении.

Дэриан долго смотрел вслед уходящим воинам. Он не испытывал к людям неприязни, к тому же солдаты отлично бились и были полны храбрости и решимости, готовы прикрыть друга и подставить под удар собственное тело, не боясь смерти. Это было достойно уважения.

Немного поразмыслив, гном достал карту и внимательно изучил выделенную территорию. Тан обошел каждую пядь арендованной земли и, поняв, что холм является единственным пригодным для жилья местом, приказал разбить лагерь.

Доклад Дзынитеру

Дэриан в сопровождении нескольких гномов отправился в Подгорное царство. Для постройки поселения требовались дополнительные рабочие и разнообразный инструмент, который тащить с собой в первом походе не имело смысла. К тому же новостей ждал глава торговой гильдии Дзынитер, с отчетом к которому, вернувшись, и отправился Дэриан.

Раздался монотонный стук.

– Кого там черти принесли? Я обедаю.

За дверью слышались быстрые шаги.

– О, это ты. Входи, Дэриан! Что так долго? Или ты разучился ходить там, под небом? Видимо, открытое пространство действует на тебя разбалтывающе! Ну, не томи, показывай, что там у тебя в руках.

Пухлая пятерня, усеянная перстнями, вырвала у Дэриана из рук карту.

– Черт бы побрал этих картографов, ничего не понятно. Одни каракули.

Дородный тан свернул карту и бросил на стол.

– Тан Дзынитер, я составил отчет, пожалуйста, ознакомься – там указано все, чего удалось достичь.

– В глубокие штольни твой отчет! Давай коротенько в двух словах, – просипел толстяк, обгладывая массивную свиную кость и запивая добычу пинтой горького эля.

Дэри аккуратно, чтоб не задеть жирного блюда и влажной кружки, расстелил на краешке стола карту.

– Что там за земли, Дэри? Рассказывай. Надеюсь, тебе удалось выторговать площадку получше?!

Все та же пухлая ручонка налила стакан густого ароматного темного эля. Седая шапка пенного и горького напитка поползла на столешницу. Гном сдул ее на густой ворс дорогого ковра.

– Тан Дзынитер, земли пригодны для строительства, но находятся в центре болот. Точнее, это холм, окруженный болотом.

– И что? – рыгнул в пухлый кулак гном. – Это хорошие земли?

– Не совсем так, благородный тан... – почти промямлил Дэриан, глядя на пол, будто ребенок, совершивший проступок.

– Холм с болотом, говоришь...

Толстяк вмиг осушил стакан, смачно выдохнув и занюхав рукавом омерзительный напиток.

– Фух, а гоблины знают толк в пойле, – подметил Дзынитер и вмиг сменил милость на гнев.

– Мерзкие жадные людишки! – почти взревел глава торговой гильдии. – Самая глубь топей! Там пройти-то с трудом можно, не то что возводить постройки! Еще и за такие деньги!! Проклятый прохиндей, и стоило мне тебя отправлять на переговоры! В следующий раз пойду лично! Отправляйся с первым же отрядом, – бушевал глава гильдии, – будешь контролировать постройку на месте!

Дэриан поспешил удалиться и чудом увернулся от брошенного вслед стакана.

Шахтер Гибби

Гибби проснулся ночью. Часы пробили три. Он снова куда-то бежал в сновидении, и чем дальше, тем сон более походил на явь. Прийти в себя и обдумать увиденное не было времени. Смена начиналась через час. Нашупав одежду и быстро натянув ее в темноте, попутно захватив паек, собранный с вечера, гном побежал к лифту, ведущему на нижние уровни.

Как и все в Подгорном царстве, Гибби с детства трудился на благо народа, часто заступая на две смены подряд, чтобы получить сверхурочные.

С ручным буром осваивал он самые опасные уровни подземелий, рискуя погибнуть от завала, взрыва горного газа или тварей, обитающих в недрах земли. Везение не оставляло юношу. Несколько раз приходилось встречаться с кобольдами и гоблинами – по воле рока те убегали, едва завидев чужака.

Гибби недавно исполнилось двадцать лет. Он был среднего роста и хорошо сложен физически. Ничего бы не отличало его от других гномов, если бы не странные сновидения, тревожившие юношу. Казалось, вполне реально гном видел небо, землю, реки, диких животных. Мог ощутить на себе дуновение ветра. Он не бывал под открытым небом и жадно впитывал в себя скудную информацию, какую мог услышать от коллег, – переданная из уст в уста десятки раз, она была не всегда правдива.

Он и рад был бы выкинуть из головы сны и заняться работой, но, проклятые, являлись каждую ночь, становясь навязчивым видением. Некому было вправить мозги юноше на место. Родные Гибби погибли. Мать умерла при родах, отец же покоился под завалом в глубине шахт. Освободившаяся вакансия по наследству перешла к сыну вместе с полуразвалившейся лачугой, где бедолага и ютился.

В один из дней, взяв два потом и кровью заработанных выходных, Гибби отправился в таверну, где взгляду его и попалось революционное объявление: «Торговая гильдия Подгорного царства проводит набор добровольцев в ряды рабочих на открытом воздухе. Подробнее можно узнать в представительствах».

Гибби много выпил в тот день. Объявление не выходило из головы. Вновь и вновь думал, как скажет начальнику, что хочет уйти с работы, как его не поймут и не отпустят, говоря про преемственность поколений и почет продолжать дело погибшего отца.

Все же на следующее утро он стоял у двери в гильдию торговцев, трясаясь в коленях от страха ошибиться в попытке изменить жизнь и от похмелья. Гибби так бы и не осмелился отворить дверь и уже собирался уйти прочь, как вдруг почувствовал руку на плече. Гном обернулся – позади стоял пожилой тан, придерживающий золотое пенсне.

– Юноша, я могу вам чем-то помочь?

– Я по объявлению, – с трудом промямлил Гибби.

– К сожалению, посыльные нам не нужны, вакансия закрыта.

Гибби расстроился, в голове происходили сложные мыслительные процессы. Он было побрел прочь, но в то же мгновение его осенило:

– Постойте, посыльные? Кажется, в объявлении ничего про это не было.

Гибби достал из кармана штанов скомканную бумажку и, развернув, прочел вслух.

Старик усмехнулся и жестом показал на дверь.

– Прошу, проходите.

Массивная дубовая дверь со скрипом отворилась. Хозяин провел парня по коридору, а войдя в одну из комнат, так же молча указал рукой на стул. Сам же тан, обойдя изящный дубовый стол, уселся в небольшое кресло.

– Ты хоть знаешь, что это за работа, куда тебя отправят? – резко заговорил гном, так что Гибби вздрогнул от неожиданности. – Тебя отправят наверх!

Старик показал пальцем в потолок.

– А там гному смерть! Кто придумал жить под открытым небом и работать на земле?!

Не думаю, что тебе понравится.

– Уважаемый тан, я размышлял об этом, мне подходит.

Старик изменился в лице.

– Не стану отговаривать. Мне приказано отправлять каждого, кто захочет участвовать в столь рискованном деле.

Пожилой гном что-то написал на куске бумаги, вначале на одном, потом на втором, и поставил две печати на каждый клочок.

– Держи, парень! Записка на работу, отдашь начальнику. А это пропуск к тану Дэриану. Он лично отбирает кандидатов на службу.

– Благодарю! – радостно произнес Гибби и вышел прочь.

Отбор кандидатов для работы

Полдня проходил отбор кандидатов для службы на поверхности. За все время явился лишь старый гном, да и тот был не в себе. Страдающего маразмом старца пришлось отправить домой.

Тан собирался поручить прием рекрутов помощнику и уйти. Вдруг дверь кабинета открылась, на пороге стоял запыхавшийся гном.

– Здравствуйте, уважаемый тан, – торопливо проговорил Гибби, – у меня письмо.

– Что ж, давай сюда! Старый зануда Бирти, как он тебя не отговорил? – проговорил тан, прочитав записку.

– Он пытался, я настоял.

– Присаживайся, будешь первым кандидатом. Работать предстоит на поверхности, как там тебя?

– Гибби, уважаемый тан!

– Так вот, Гибби! Вижу, ты хороший, справный гном! Тебе повезло! Гильдия выдаст льготный кредит на обучение. Лучшие мастера научат тебя строительству, земледелию и скотоводству. Для начала заключим договор на год. Эти профессии и должное усердие – ключ к твоей безбедной старости. Платить будут серебряник в десять дней. Насколько я знаю, это вдвое больше, чем платят простым рудокопам или молотобойцам. Не шибко тяжелый труд за более чем достойную плату. Никаких гоблинов, кобольдов, ядовитых тварей, горных газов и дикой жары. Вода всегда в достатке рядом с вкусной едой... Как ты считаешь, стоит за все эти блага потерпеть открытое пространство? Если согласен, подпиши здесь!

Завороженный речью торговца молодой гном дрожащей от волнения рукой поставил закорючку на листе бумаги.

– Поздравляю! Жду тебя через два дня у входа в торговую гильдию. Можешь собираться в дорогу. Мы уладим все вопросы с твоим работодателем. Я распоряжусь – тебе выдадут аванс.

– Спасибо, – сказал Гибби и поспешил удалиться.

Вечером Гибби решил встретиться с друзьями. Подходящим местом, где можно было поговорить по душам, получить дружеское напутствие или просто успокоить нервы за стаканчиком пива, была продымленная таверна, расположившаяся в рабочем квартале. Хоть она и представляла собой довольно жуткое зрелище, в отсутствие лучшего места выбирать не приходилось. Пропитанные грязью и алкоголем массивные деревянные столы, принимавшие не одно поколение гномов, всегда ломились под тяжестью кружек, за ними тесно сидели гости. Шум и гам доносились со всех сторон. Но алкоголь хмельной рекой проникал в сознание – и после пары выпитых кружек даже сие заведение становилось довольно уютным.

Гибби опьянел, страхи улетучились, и вдохновленный речью торговца гном осмелился предложить друзьям и некоторым из посетителей таверны, сидевшим рядом, отправиться вместе покорять просторы новой жизни.

– Старик сказал, я могу привести всех желающих, он заплатит за каждого! Разумеется, я поделю аванс поровну, – не унимался Гибби.

– Жадные скряги и копейки не отдадут за просто так – он просто облапошит тебя! Они набирают отряд на работу, от которой все отказались, и пытаются привлечь тебя сущими грошами – в итоге ты еще и останешься должен! – возражал Унгадар, давний друг Гибби, обладавший скверной привычкой ни во что не верить и ставить под сомнение даже самые очевидные факты.

Он носил довольно странное и редкое для гнома имя, будучи выходцем с западных окраин гномьего государства, чьи жители отличались от остальной части вспльчивым характером и смутьянской натурой. Семья Унгадара, или сокращенно Гадала, выращивала боевых

и ездовых свиней и добилась неплохих результатов в селекционной деятельности. Многие таны Подгорного царства предпочитали хорошую боевую хрюшку холеным пони, часто разъезжали на них, запрягая в небольшие повозки, а кто побогаче – в кареты. Свиньи имели одно неоспоримое преимущество – они питались всем подряд.

– Гадар, я буду рад, пойдешь ты со мной хотя бы на год. Мы бы таких дел наворотили! – стукнув кулаком по массивной столешнице, вскричал подвыпивший Гибби.

Гномы, сидящие за длинным столом, покосились на пьяного юношу.

– Что вы смотрите? – не унимался Гибби. – Так и будете доживать свой век в проклятых, грязных тавернах, запивая усталость дешевым, противным алкоголем, а я, – Гибби вскочил на лавочку, – я увижу землю и небо. У вас есть только один шанс отправиться со мной.

Не успел он договорить, как пошатнулся на узкой доске и упал, с шумом грохнувшись на пол и вызвав всеобщий смех и веселье.

Раздосадованный Гибби выбежал из таверны и, усевшись на ступени, склонил голову к коленям.

Сказанные слова пронесли мимо ушей гномов и окончились позорным падением.

Лишь одна гномиха вышла следом и, сев рядом, протянула поднявшему голову Гибби кружку пива, жестом предложив перебраться на скамейку, стоящую рядом.

Гибби согласно кивнул.

– Мэлин, – представилась прелестная девушка с замечательной улыбкой.

Она трудилась на грибных фермах, рискуя жизнью, борясь с опасными гадами, чьим излюбленным местом обитания и пищей являются грибы. Мэлин была готова пойти хоть на край света, лишь бы подальше от проклятого свода пещер.

Гибби показалось, что они знакомы вечно. Молодой гном чувствовал искренность и теплоту, исходящие от собеседницы. Они просидели до утра рука об руку, разговаривая обо всем на свете. Настало время прощаться. Девушка чмокнула Гибби в щеку и убежала домой. Гибби предстояли сборы в дорогу, но он еще долго сидел на скамейке в одиночестве. В голове крепко засела мысль, как же взять Мэлин с собой.

Поднявшись, Гибби окунул голову в бочку с водой, стоящую у таверны, и, приободрившись, отправился к старому Бирти, дабы поделиться новостями о найденном соплеменнике, желающем покорять землю. Впрочем, старый гном не разделил радости, но согласился взять на работу женщину и даже пообещал выдать аванс, как только та подпишет необходимые документы. Влюбленный гном несся сломя голову и чуть не угодил под почтовую карету, вызвав шквал гномьих ругательств, обрушенных кучером в адрес несносного мальчишки.

Запахавшись, Гибби подбежал к калитке, закрывающей проход в слегка покосившуюся избушку, сохранившую определенное изящество в стиле постройки. Гибби с силой позвонил в колокольчик, висящий на деревянном столбе. Звон раздался на всю улицу, но никто не подошел к забору. Гном проделал процедуру вновь. Послышался слабый крик, доносящийся из домика.

– Мэлин, кого там принесло? Ты что – оглохла? Немедленно посмотри, кто терзает колокол!

Гибби насторожился, такого приветствия он не ждал. Но мозг словно подхватил послышавшееся имя, и внутри сделалось тепло и комфортно. Молодой гном дождался, расплывшись в улыбке, когда милые сердцу черты появятся за отворившейся металлической дверцей. Вскоре на пороге показалась Мэлин, но на ее лице улыбки юноша не увидел.

– Как ты меня нашел? – с порога спросила девушка.

Слова ранили гнома в сердце.

– Я запомнил твой адрес, – устремив взор в грязный шершавый пол пещеры, проронил Гибби. – Я думал, мы вчера обо всем договорились.

– Видишь ли, – ответила Мэл, – как бы я ни хотела уйти отсюда, у меня есть некие обязательства. Тебе не стоило приходить. Лучше забудь меня.

Гибби вмиг обмяк. Слова резали слух, заставив ноги подкоситься. Поняв, что другого шанса не будет, собрав волю в кулак, Гибби перепрыгнул через невысокую ограду и, взяв девушку за руку, промолвил:

– Уйдем вместе! Я не встречал раньше никого, кто бы так запал мне в душу.

Из комнаты донесся громкий голос:

– Мэлин, кого там черти принесли? Долго мне ждать воду?

Мэл с силой отдернула руку и, глядя Гибби в глаза, сказала:

– Прости, ничего не выйдет, мне пора.

Вмиг дверь открылась – и на пороге показался пожилой гном с деревянным протезом вместо ноги.

– Что же ты держишь гостя на пороге? Проходите в дом, юноша, – пятясь назад, освобождая узкий коридор, произнес пожилой гном.

Мэл подтолкнула вперед замешкавшегося Гибби.

– Вы уж извините, живем мы небогато, не побрезгуйте отобедать, у нас редко бывают гости, – произнес старик бодрым голосом.

Гибби прошел в комнату вслед за хозяином и присел на стул.

– Мэл, накрой на стол, – молвил старик.

– Да, папа, – безоговорочно кивнула девушка.

В центре небольшой комнатухи, которую занимали две кровати по бокам, небольшой шкафчик да обеденный стол посередине, Гибби увидел у стены позолоченные доспехи с огромным количеством медалей и орденов, с отличительными знаками королевской гвардии. Висели они на полуразвалившейся от древности оружейной стойке. Рядом с внушительным мечом с золотой рукоятью.

– Простите, тан, вы военный? – нарушил тишину Гибби.

– Сынок, это долгая история, – проговорил старик, – под нее можно немного выпить.

Гном потянулся к небольшому шкафчику, достал наполовину пустую бутылку сомнительной мутной жидкости. После оттуда же гном извлек два стакана, поочередно обтер их о подол рубахи и, наполнив, протянул один Гибби.

Приняв стакан, Гибби выпил и сразу почувствовал, как в голове начало мутнеть.

– Ну как тебе, сынок? Это моя лучшая настойка из грибов, что приносит Мэл. Гоню ее на заднем дворе, а что же еще делать инвалиду на пенсии? – улыбнулся гном.

Гибби чувствовал необычайную энергию, исходящую от старика. Казалось, она передается на расстоянии всем присутствующим, заполняя дом, располагая к хозяину.

– Эту историю я рассказываю не всем, да я и мало с кем общаюсь в последнее время. В лучшие годы пришлось мне поучаствовать во многих битвах.

Казалось, хозяин дома вырос в плечах и помолодел, увлекшись рассказом.

– Правда, вот ноги лишился – и про карьеру военного пришлось забыть. Но это было так давно, что стало казаться мне дурным сном. Да уж, пришлось мне тогда поползть.

Гном похлопал себя по деревянной ноге. И молча выпил. Казалось, он хотел продолжить рассказ, но вдруг смолк, погрузился в лице, а на глаза навернулись слезы.

– Простите, тан, я не знал, – Гибби поднялся со стула.

– Сиди, парень! Я уже давно не тан, а калека, инвалид, забытый всеми. Я существую на жалкие гроши, получаемые Мэл.

Скулы пожилого гнома налились кровью. Наполнив еще раз стакан, он залпом осушил его до дна.

– К тому же гнусные бюрократы отказались брать мою единственную дочь – дочь забытого героя! – в государственную академию, хотя обязаны это сделать. И ей приходится ютиться

здесь, ухаживая за калекой, слушая жалобы, и побираться, как нищенке, на грибной ферме. Ах, если бы я мог попасть на прием к Владыке! Но ступени с каждым годом становятся все выше... – гном поник гордой головой. – Ну, парень, прости мне минуту слабости! Расскажи о себе. Ты, видимо, друг Мэл? Как тебя зовут? Прости, я забыл представиться – я Брэджин.

– Я Гибби.

– Чем ты занимаешься, Гибби?

– Я рудокоп, вернее, был им. Но сейчас... – Гибби помедлил, решив не выдавать затеи, – пошел на повышение и отправлюсь на верхние уровни.

– Что ж, молодец, опасная профессия, береги ноги, парень, – старый гном засмеялся.

Диалог нарушила Мэл, подносящая к столу кушанья.

К удивлению молодого гнома, ужин был не бедным. Небольшой стол с трудом вмещал всевозможные блюда со всеми видами грибов: солеными, жареными, маринованными. В центре стояла запеченная курица и красовалась большая буханка свежего хлеба. Брэджин настоял достать бутылку настойки и налил всем по чуть-чуть.

– Мэл унаследовала лучшие черты и кулинарные способности от покойной матери, – подметил Брэджин.

Присутствующие опустошили стаканы.

Старик знал множество историй и был приятен в общении, к тому же отличался особой манерой и умением слушать собеседника. Он не скупился на слова и комплименты дочери – та же краснела и смущалась.

Пришло время прощаться. Гибби не хотелось уходить. Он уже забыл, что такое семья, и даже был не рад, что познакомился с Мэл и ее отцом перед отправлением на новую работу. Теперь он хотел остаться в Подгорном царстве, но понимал: здесь он не сможет найти достойной жизни ни для себя, ни для Мэл. Рискованное путешествие было единственным шансом.

Придя домой, Гибби долго не мог заснуть, думая, как бы сложилась жизнь, будь жива его семья.

Рано утром Гибби отправился на ежедневную ярмарку, чтобы прикупить вещей в дорогу. К тому же аванс мог пригодиться только в Подгорном царстве – на осваиваемой территории деньги были ни к чему. Неторопливо прогуливаясь вдоль рядов торговцев всевозможными товарами, не замечая суматохи вокруг, молодой гном пытался вспомнить хоть один раз в жизни, когда он не имел никаких забот. Бросив эту затею, Гибби остановился у лотка с изделиями из ткани. Разнообразные кофты и штаны были аккуратно разложены на прилавке.

– Здравствуйтесь! Мне нужна кофта из шерсти, теплые штаны и ботинки, – обратился гном к торговцу.

– Конечно, вот возьмите это.

– Но это не теплое, – откладывая в сторону товар, возразил Гибби.

– Зачем вам теплое? Тут и так всегда очень жарко.

– Дело в том, что я собираюсь выйти отсюда наружу.

– Вы что, за идиота меня держите? – в ответ торговец скупно рассмеялся и начал обслуживать следующего покупателя.

Фыркнув, Гибби отошел. Он обошел рынок и, потеряв надежду найти себе что-то стоящее, решил порадовать подарком Мэл. Побрякивая медяками в кармане, обошел ряды с женской одеждой. Купив пару кофт и ботинок, Гибби собрался было уходить, но, проходя мимо лавки столяра, вспомнил отца Мэл и решил сделать приятное и ему, сторговавшись со столяром на хорошую стойку ручной работы.

Придя к заветному дому, Гибби вновь позвонил в колокольчик у двери, но на этот раз никто ему не открыл. Гном перелез через ограду и, оставив вещи у двери, достал блокнот. Он накорябал карандашом несколько слов на листе бумаги: «Примите от меня в знак дружбы и уважения. Спасибо за все, Гибби».

Гном вырвал листок и просунул его в дверь, так чтобы было видно. После перелез обратно, подождал еще немного и побрел домой. Всю ночь перед отправкой Гибби не мог сомкнуть глаз. Он хотел отказаться от предложенной работы и остаться под горой. Но участь ломать камни до смерти пугала его не меньше. К тому же, если ему повезет не погибнуть от несчастного случая в шахтах, лет через пятьсот он станет начальником. Но, может быть, раньше его настигнет обвал или враг, спрятавшийся во тьме глубокой штольни.

Придя к месту сбора на несколько часов раньше указанного времени, Гибби сел на крыльце, поставив рядом скромные пожитки, уместившиеся в небольшую торбу. Коротая время, он смотрел, как медленно собираются гномы, решившиеся покорять просторы земли. Многих провожали родные. Другие приходили с массивными рюкзаками, кто-то даже в доспехах, с мечами, арбалетами. Один гном был с дорогим и поэтому редким пороховым пистолетом. Неожиданно из толпы появился Унгадар и очень кстати подарил переданный его мамой шерстяной жакет, чтобы молодой гном не околел в опасном мире.

Вдруг взор Гибби остановился на быстро приближающемся силуэте. Это была Мэл. Обнявшись, они молча глядели друг на друга. Мэл нарушила затянувшееся молчание:

– Благодарю за подарки. Я не смогу отправиться с тобой, но буду тебя ждать. Возвращайся живым!

Мэл протянула массивный длинный предмет, обмотанный в мешковину.

– Это подарок от отца. Я рассказала ему, куда ты отправляешься. Его имя «хранитель короны».

– Я не могу, – начал Гибби, – но меч уже лежал у него в руках.

Крепко обняв друга, Мэл побежала на работу, не затягивая прощание.

Гибби так и остался стоять, ошарашенный. На глаза наворачивались слезы.

– Отправляясь в далекий путь и не зная, быть встрече или нет, не стесняйся слезы, если это друг. Кто же знает, вернешься или нет? – проговорил Ундагар, положив руку на плечо Гибби.

– Умеешь ты поднять настроение, – с сарказмом проговорил Гибби, вытирая глаза.

На площади перед гильдией торговцев толпилось скудное сборище будущих колонизаторов – около пятидесяти гномов. Большинство пришедших выглядели молодо, что и неудивительно: уклад жизни гнома формируется постепенно, все новое в большинстве случаев в нем отрицается. В назначенное время появился тан Дэриан. Поднявшись на крыльцо гильдии, он поприветствовал собравшихся и пожелал проводить их до места будущего обучения. Выслушав краткую напутственную речь, гномы двинулись в путь.

Новый караван

Пройдя чуть больше шести часов по подземным залам, отряд вошел в большую полукруглую пещеру с частично обрушенным сводом, открывающим вид на голубое небо. Оставшуюся целой часть потолка пещеры кто-то старательно вымазал голубой краской. Недалеко от входа размещался палаточный лагерь, состоящий из пяти шатров. Рядом лежали сваленные в кучу стройматериалы и расположились несколько груженных повозок.

Расселив гномов по временным жилищам, тан Дэриан удалился. И трудяги остались отдыхать, чтобы набраться сил перед новым – учебным – днем.

Подъем был ранним, что не страшило Гибби, он и так вставал ни свет ни заря. Весь последующий день гномов обучали каменному и деревянному строительству и обжигу кирпича. Всю необходимую информацию гномы старательно записывали в розданные кожаные блокноты, чтобы уроки не прошли зря.

На второй день гномов учили отражать атаки и драться на топорах, чтобы они могли защититься в случае нападения врага. Третий день прошел в изучении теории обжига различных сортов угля. Последующие двое суток гномам преподавали уроки постройки фортификационных сооружений.

В завершение курса гномов ждал экзамен по пройденному материалу. Все с нетерпением ждали проводника, чтобы отправиться в путь, в болота, где предстоит основать поселение. На выходе из подземного города поселенцев ожидал обоз из двадцати повозок, доверху груженных провизией и необходимыми инструментами. Взвод вооруженных редкими и потому дорогостоящими ружьями сопровождавших рабочих солдат отправлялся укрепить небольшой гарнизон, возглавляемый капитаном Фоли, потерявшим часть бойцов в путешествиях по беспокойному региону в попытках поближе познакомиться с населяющими его тварями.

Караван двигался крайне медленно, телеги то и дело проваливались в рыхлой, пропитанной водой почве. Взору Гибби предстала крайне враждебная среда. Он не понимал, как можно выжить в этом полном опасностей мире, да еще и основать какое-то поселение.

Тонкие кожаные полоски с узкими прорезями для глаз непривычно мешали обзору, но пялиться по сторонам и так не было времени – все смотрели под ноги, стараясь не угодить в топь. Защитные повязки гномы могли снять, лишь когда зайдет солнце, они являлись своеобразной защитой для глаз, не привыкших к яркому дневному свету. Ко всему этому прибавлялась назойливая мошкара, ни на минуту не покидающая путников и доставляющая ужасный дискомфорт.

Дорога заняла чуть больше трех дней блуждания по болотам, наконец взору Гибби предстал небольшой спасительный клочок суши, возвышающийся холмом меж бескрайних топей. С парой наспех сколоченных домов, больше похожих на сараи, и шатким хлевом, грозящим развалиться в любую минуту от дуновения ветерка. Да и вмещал он менее половины животных, пасущихся за невысоким редким забором.

Сбросив пожитки и немного отдохнув за обедом, поселенцы сразу же принялись за работу. Дэриан предпочел роль советника. Командование принял капитан Фоли, приказавший поселенцам первым делом заняться строительством укреплений, гордо названных старым воякой фортом. Гномам предстояло превратить холм в неприступный земляной вал, укрепленный деревянной стеной.

Капитан не чувствовал себя в безопасности в столь незащищенном месте, открытом со всех сторон. Опытный воин испытывал тревогу и очень хотел спрятаться за стеной. Будь его воля, он возвел бы над холмом пещеру.

Собрав работников вокруг себя, Фоли встал в центр и, подняв из костра полено, начал чертить им на рыхлой земле.

– Мы должны построить крепость для защиты от болотных тварей и прочих гадов. В форт будет один вход, его закроем деревянными воротами. Пространство по периметру окружим земляным валом.

Окончив речь, капитан внимательно изучил взглядом прибывшее пополнение солдат и увел их в один из домов.

Оставшимся работникам Дэриан приказал разбить лагерь и собрать побольше дров для костра, строго-настрого запретив углубляться в болота. Вскоре наступила ночь, множество картин нового мира не давали Гибби уснуть, к тому же глаза гнома не успели адаптироваться к дневному свету и жутко болели, несмотря на принятые меры предосторожности.

Множество звуков проникали в сознание: шум травы, колышущейся на ветру, шелест листьев, стрекотание кузнечиков. Он пытался впитать в себя все, пока усталость не взяла верх, погрузив организм в сон.

Рог протрубил подъем. Сонные поселенцы вышли из палаток. Начался первый тяжелый день.

Фоли и Дэриан договорились о фронте работ и, разделив гномов на несколько групп, отправились контролировать процесс. Гибби, прихватив лопату и кирку, спустился с отрядом гномов вниз по склону на поиски материалов для строительства.

Фоли выбрал несколько гномов покрепче, чтобы заготовить бревна для будущих стен форта в недалеком от холма полесье. А Дэриан остался на холме контролировать процесс подготовки для строительства домов и крепостных укреплений. Рабочие убирали лишний слой земли и почвы, чтобы выровнять пригорок, а излишками грунта засыпали ближайшие болота, прибавляя столь необходимое для жизни пространство.

Объем работы предстоял огромный, но гномы привыкли отвечать на сложности действием. Время за работой пролетало незаметно.

Группа капитана валила небольшой лесок, аккуратно вырубая деревья, зная, что весь материал будет востребован в хозяйстве. Часть прутьев и сучья пойдут на строительство загона для скота, а также на возведение крыши и производство древесного угля. Мелкие ветви использовали для костра. К тому же небольшие опушки леса в болотах были редки, и гномы не могли позволить себе использовать столь необходимое сырье расточительно.

Из-за отсутствия и недоступности иных строительных материалов было решено возводить дома из дерна. К тому же для нужд строительства болотный дерн являлся наиболее подходящим – корневая система травянистых растений имела более плотную структуру, чем у других его видов, данный материал находился в изобилии в здешних местах, не требовал длительной и сложной транспортировки и сборки.

Полноценный дом из дерна можно возвести за пару дней. К тому же такие строения замечательно держат тепло и не боятся пожара, хоть и имеют несколько недостатков. В условиях сурового климата и сильных дождей почва легко вымывалась, давая сильную осадку, делая дома недолговечными, а повышенная влажность внутри помещения требовала много топлива для обогрева. Но как временное жилище такой дом был весьма пригоден. Кроме того, для увеличения срока его службы гномьи инженеры решили укреплять стены размоченной глиной. Пропитанные ею слои дерна меньше впитывали влагу и придавали дому большую прочность.

Срезая целину, еще никогда не знавшую обработки, группа Гибби добывала материал для строительства домов и хлева, разрезая дерновые пласты обычной лопатой на ровные части. Дерн был настолько пронизан корневищами трав, что не рассыпался, оставаясь в первозданном виде. Транспортировать его на обычных носилках было весьма трудоемко, для постоянных подъемов в гору с такой ношей требовались немалая выносливость и сила. Но из добытого материала с легкостью можно было уже возводить стены и крышу жилищ.

Выгодные связи

Капитан восседал на небольшом свежем пне, наблюдая за работой. Фоли не покидало чувство, будто кто-то за ним наблюдает. Вдруг гном спиной почувствовал опасность и попытался подняться, но негромкий голос приказал ему остаться на месте. Капитан потянулся за мечом – и стрела со свистом воткнулась в землю рядом с Фоли.

– Сиди смирно, обрубок, коли дорога жизнь твоих работяг.

Гном уселся поудобнее и увидел несколько человек с луками наизготовку и топорами за плечами, выходящих из-за редких деревьев. Один рослый человек опустил лук и, подойдя к гному, заговорил:

– Редкое зрелище – коротышки в болотах.

Старый вояка нахмурил брови.

– Кого это ты назвал коротышкой, задохлик? Я покажу тебе, что бывает с теми, кто посмел оскорбить Фоли! – гном недовольно постукивал рукой об руку.

– Оставь его, Кейн! Видимо, гном больной, раз твой вид не внушает ему страх.

Люди засмеялись.

Не упустив момент, Фоли вскочил с пенка, вынув из-за пояса удлиненный кинжал.

Здоровяк, ухмыльнувшись, взялся за топор.

– Ну что, обрубок, посмотрим, что ты умеешь, – сплюнув наземь, проговорил человек.

– Сейчас ты усвоишь пару уроков вежливости, – пробормотал Фоли, крепче сжимая рукоять.

В несколько шагов здоровяк преодолел расстояние, звякнула сталь, гном умело парировал удар, увернувшись от надвигающейся угрозы. Подпрыгнув и вложив всю силу в удар руки, гном уронил человека на землю. Откинув ногой выпавший из рук топор, Фоли приближался к лежащему на земле здоровяку, готовящемуся принять смерть.

Подойдя на расстояние удара, Фоли убрал клинок в ножны и протянул руку лежащему человеку.

– Ни к чему проливать кровь зазря, – проговорил гном.

Человек ответил протянутой рукой и поднялся.

– А что же, неплохо, – усмехнулся поверженный воин и, достав из торбы, лежавшей на земле, бутылку с непонятной жидкостью, жадно глотнул и протянул емкость Фоли.

Гном принял пойло, попробовал – и выплюнул содержимое на землю.

– Что за гадость вы пьете?!

Капитан окинул взглядом поляну в поисках воды, чтобы сбить ужасный вкус. Люди расмеялись. Один из гномов подал Фоли флягу с водой. Запив, гном снова присел на пенек.

Недавний противник нарушил тишину:

– Мы местные охотники. Что привело гномов в наши края? За всю жизнь я не встречал ни одного, а тут сразу с десятком, да еще и валящих наш лес.

– Слишком коротка твоя жизнь, – улыбнулся Фоли. – Теперь это наш лес, и та гора тоже. Мы строим город, – Фоли показал рукой в сторону холма.

– Значит, теперь мы соседи, а с соседями принято дружить. Я Кейн.

– Капитан Фоли, – кивнул головой гном.

– Может быть, подгорным жителям нужна помощь? Зимы у нас холодные, а мы лучшие браконьеры в округе. Можем обменяться с вами шкурами или другими дарами природы.

– Что же, Кейн, в таком случае тебе стоит подняться на гору и спросить тана Дэриана. Я всего лишь воин, а он отвечает за хозяйственную часть.

– Удачи в работе, – проговорил Кейн, и группа людей удалилась в сторону обжитого гномами холма.

Охрана заметила приближающийся отряд людей и тут же доложила тану Дэриану, встретившему незваных гостей у подъема на холм.

Почтенный торговец, не дождавшись, пока путники переведут дух, с ходу начал разговор:

– Мое почтение, добрые люди, – соблюдая достоинство, склонил голову Дэриан. – Чем могу быть полезен?

– Мое почтение. Я Кейн. Ваш капитан сказал, мы можем поговорить с вами о торговле? Мы местные охотники, живем неподалеку в болотах. Возможно, вам пригодятся шкуры животных, дичь или мясо? Зимы у нас холодные, а мы шьем отличные одежды из пушного зверя.

Внимательно выслушав человека и осмотрев свой нарядный костюм, тан произнес:

– Моя одежда здесь явно не к месту. От теплого тулупа я бы не отказался, да и ребят надо бы одеть – скоро зима. А времени на охоту у нас нет, да и навыков необходимых, к сожалению, тоже. Приносите все, что есть, через неделю. Если сойдемся в цене, может, еще и заказов каких подкинем. Мясо мы купим с удовольствием и в любом количестве, также как и алкоголь. А еще нам нужны работники – приводи к нам людей, а я уж тебя не обижу. Только учти: бездельников и лентяев мы не терпим.

– Хорошо, благородный гном. Мое почтение!

Люди поспешили удалиться.

К концу дня все работники ужасно вымотались, но были довольны собой. Все сделанное ими находилось перед глазами и шло им же во благо, а такая работа приносит одно удовольствие.

Спустя несколько дней тяжелого труда поселенцы могли не переживать за крышу над головой: добротный дерновый дом с прочным деревянным каркасом был готов к заселению. Из подручных материалов гномам удалось сколотить простенькую мебель – длинный стол со скамьями. Спать приходилось на полу, устланном болотной травой, образующей довольно мягкую общую кровать.

Холм принимал вид обтесанного по краям камня. Убранным грунтом удалось засыпать территорию вокруг, украв у болот столь нужную поселенцам сухую территорию.

Дни за работой пролетали как одно мгновение. Лишь разнообразные болотные гады и гнус мешали строителям. Огромные комары величиной с большой палец руки взрослого гнома изматывали неумолчным писком. Места укусов зудели – гномья кожа реагировала на них огромными чешущимися волдырями, мучившими до изнеможения.

Гномы сдружились, и даже строгий капитан Фоли казался им более-менее сносным, требовательным гномом. Вечерами за кружкой гномьего эля он рассказывал многочисленные истории о подвигах и битвах, а иногда позволял гномам, свободным от работы, тренироваться вместе с солдатами.

Спустя несколько недель на холме красовались пара домов и небольшой открытый загон для скота, вмещающий все поголовье, а по периметру кое-где торчал частокол и возводились ворота.

По поручению Дэриана в лагерь прибыло несколько гномов – ученых и инженеров, они целыми днями шатались по болоту, записывая и рисуя различные расчеты, отдавая команды по постройке крепости и пряча писанину от посторонних глаз, ссылаясь на секретность миссии. Один из ученых, упившись элем, проговорился, что удалось найти торф, способный заменить редко встречающийся и трудно транспортируемый в топях уголь. В дальнейшем выяснилось, что использовать торф можно только на открытом пространстве – при горении он выделял едкий дым, оказавшийся весьма ядовитым, но зато мог гореть без доступа воздуха.

Свойства торфа гномам пришлось испытать на месте. Многие орудия труда из-за постоянной работы пришли в негодность. Группа рабочих возвела небольшую кузницу, чтобы изготавливать столь необходимый в строительстве инструмент и прочие требующиеся в быту металлические изделия.

Хранитель короны

Несколько дней дождь лил как из ведра, загнав поселенцев под крышу. Уровень болот поднялся и превратил холм в остров, окруженный водой. Выйдя в топи со спасительного клочка суши, можно было попросту утонуть. Ситуацию усложнял густой туман, покрывший пеленой гиблое место. Как ни пытались всматриваться часовые в серую дымку, с трудом удавалось что-то разглядеть в нескольких шагах от себя. Гномы всерьез задумались о сборе плотов из бревен, заготовленных для строительства частокола.

– Если дождь не прекратится еще несколько дней, они вполне сгодятся для спасения, – говорил Дэриан.

Ливень гасил факелы и любые проявления открытого огня, опустив на болота мрак ночи. Дозорные проводили переключку раз в пять минут простой считалочкой от первого часового до последнего. Шум дождя приглушал звуки, доносившиеся с топей. Слышалось лишь бульканье воды. Гонимые голодом и жаждой крови отчаявшиеся волки будто чувствовали слабость в обороне поселенцев и под покровом ночи по известным одному Ауле тропам пробрались к загону для животных, устроив жестокую расправу над скотом. Жуткие стоны и вой раздались на холме раскатом грома, повергнув в ужас поселенцев. Стражники ринулись на шум, с ходу приняв бой со стаей свирепых хищников. Лютые звери в рост гнома не хотели отступить. Кровь и плоть беззащитных животных разогрела их аппетит. Отсыревшие ружья отказывались стрелять, давая осечку за осечкой. Лишь меч и щит противостояли натиску. Волки кидались в атаку, сбивая гномов с ног массивными лапами, нанося увечья мощными челюстями. Медленно подтягивалось подкрепление, мешая грязь, поскальзываясь, поминая мать волков и прочих выродков. Гномы оттащивали раненых, прикрываясь стеной щитов, падая под мощными ударами лап на вымокшую землю. Послышался свист болтов, врезающихся в плоть хищников. Вперед выпали копыта, громкие команды доносились сквозь бранные крики.

– Подтянуть правый фланг! Сомкнуть щиты! Упрись получше, каррагова сныть! Копья, копыта тащите! – кричал Фоли.

Вдруг волки, словно почувствовав численный перевес, стали отступать теми же редкими ночными тропами, по которым пришли.

– Здесь еще один наш, – горько проговорил воин, подходя к гному, придавленному массивной тушей лесного хищника.

– Кажись, его звали Гибби, – подметил другой страж, снимая с себя шлем, испачканный кровью. – Совсем молодой, жил бы да жил, вот так нелепая смерть! Помогите убрать проклятого зверя!

Гномы втроем навалились и скинули труп волка.

Совсем седой старый сержант, лекарь, прошедший не один десяток битв, присел рядом с лежащим в луже крови гномом и, достав небольшое зеркальце, поднес его вначале ко рту, затем к носу страдальца. Взглянув через несколько секунд на приспособление, санитар стал судорожно нащупывать пульс и, не найдя подтверждения жизни, протер зеркальце рукавом и поднес к своему носу. Зеркало запотело. Протерев еще раз, старец повторил процедуру с гномом, лежащим на земле. Взглянув на нехитрый прибор, сержант бросил орлиный взгляд в сторону воинов.

Затем, достав из массивной торбы плотную ткань, зубами оторвал от нее кусок и наложил на глубокую, кровоточащую рваную рану на шее Гибби. Санитар приказал одному из гномов придерживать повязку. Порывшись в сумке, врач достал приспособление, похожее на длинную металлическую трубочку, и острый тонкий нож. Рукой санитар рванул рубаху на Гибби, обнажив посиневшую грудь, и что было сил воткнул нож в область легкого, меж ребер. После, почти

не глядя, вставил в образовавшуюся рану трубочку и, приложившись к свободному концу приспособления губами, втянул в себя кровь.

Воины отвели глаза в сторону, не решаясь сказать хоть слово.

Санитар смачно сплюнул кровавым сгустком рядом с телом Гибби, достал из сумки фляжку и, сделав глоток, проговорил:

– Никогда не любил эту процедуру.

Спустя секунду послышалось нечто, напоминающее хриплое дыхание сквозь вставленное в Гибби устройство.

Старик улыбнулся. Гномы выдохнули, удивившись талантам лекаря.

Медик вновь покопался в сумке и достал новый футляр и огниво. Наблюдатели зажмурились, с трудом представляя, что будет происходить дальше.

Убрав повязку, сержант сыпанул на открытую рану содержимое футляра и со словом «Бабах!» чиркнул огнивом. Произошел хлопок. Санитар плеснул из фляжки немного жидкости на опаленную рану, после сделал из фляги глоток и вернул повязку на место.

Вновь плюнув наземь, санитар закричал:

– Что встали, растяпы? Срочно несите его в дом.

Войны вопросительно взглянули на старого вояку.

– Бего-о-ом!

Четверо гномов подхватили Гибби, и спустя несколько секунд он уже лежал на соломенном матрасе в доме, у очага. Рядом с остальными ранеными поселенцами.

Седой сержант пользовался авторитетом среди воинов. К тому же он являлся другом Фоли. Молодые вояки поговаривали, что врач однажды спас жизнь капитану, еще в войне с эльфами. О его таланте врачевания ходили легенды, а теперь легендарный гном в позолоченных доспехах с нарисованным краской сердцем, лежащим на наковальне – символом санитаров, обрабатывал раны Гибби. Странное поило из мензурки привело молодого гнома в чувство, и он уже дышал ровно, пусть и через устройство, торчащее из груди. Лекарь аккуратно зашил раны трудяги, приговаривая:

– Будешь у меня как новый.

Капитан осматривал место битвы. Подойдя к туше убитого зверя, Фоли с удивлением вскрикнул:

– А это у нас что такое?

Он вытащил из мертвого волка богато украшенный полуторный меч. Осмотрев клинок, капитан несколько раз взмахнул им в воздухе, оценив балансировку, а после, подняв над головой, крикнул:

– Чье это оружие?

Вопрос остался без ответа. Фоли снова осмотрел меч и, очистив от крови, отнес клинок в дом и запер в личном сундуке.

Вернувшись, капитан приказал приготовить к похоронам тех, кому санитар уже не поможет. Подойдя к медику, он тихо спросил:

– Ну что, Албор, будет парень жить?

– Через пару недель будет бегать, как другие.

– Хочу показать тебе одну вещь, мой друг, она терзает мою память.

Фоли отправился к своему схрону и, достав найденный меч, протянул его медику.

Рукоять легла в руку врача, он умело сделал несколько взмахов и, казалось, помолодел на пару сотен лет. Взгляд старца остановился на надписи, выгравированной у основания: «Хранитель короны». Санитар протер уставшие глаза и, достав из кармана линзу, прочитал еще раз.

– Не может быть! Это ведь...

– Да, я думаю, это меч Короля, – проговорил капитан.

– Ты в этом уверен, Фоли? Мы оба видели, его завалило камнями вместе с Брэджином Проворным!

– Я вынул клинок из трупа волка, из-под которого мы извлекли парня.

– Признаться, я в замешательстве, – проговорил врач.

– Приведи парня в чувство, я устрою ему допрос.

– Прошу тебя, Фоли. Дай две недели – я долечу бедолагу, а после передам его тебе.

– Хорошо, старик, у тебя неделя!

Еще один неожиданный подарок болот и горький урок жизни под открытым небом был преподнесен поселенцам.

Ночевать стражникам пришлось в загоне для животных, пытаюсь спасти искалеченный скот. К утру, сосчитав оставшихся животных, гномы с грустью осознали, что волкам удалось загрызть больше половины стада.

– Как бы ни горька была потеря, а жизнь продолжается, – отметил Дэриан, добывая мучившийся от ран скот. Весь следующий день гномы провели в подготовке и разделке мяса, большую часть которого засолили и закоптили, подвесив на большие металлические крюки над очагом в доме, подготавливая провиант для долгой и суровой зимы.

Останки животных гномы отнесли подальше от города и побросали в болото, опасаясь возвращения волков. В проливной дождь укреплять загон было сложным занятием. Чтобы пир волков не продолжился, на случай их повторного появления в загоне был выставлен дозор.

После визита незваных гостей капитан Фоли выглядел озадаченным, практически ни с кем не говорил и посвятил несколько дней подготовке и планированию частокола. Лично обходя шаг за шагом каждую пядь земли, вбивая колышки в сочащийся водой грунт, покрикивал на инженера, аккуратно выводящего на бумаге каждый штрих. Возможно, капитан просто не мог спокойно сидеть на одном месте, пережидая бесконечный дождь. За время простоя погребок напитков изрядно поистощился. Фоли и Дэриан увеличили рацион спиртного, чтобы задействованные в работе под открытым небом гномы, промокшие до нитки, не захворали. Остальные же по большей части ютились в убогом домишке и выходили на улицу лишь справиться нужду. Но за это время избушки преобразились внутри. Кто-то строгал доски, другие делали мебель, плели корзины или создавали инструменты. Часть гномов укрепляли и облицовывали стены. Никто не успел заскучать.

Вскоре дождь прекратился. Ветер развеял тучи, и на небо вернулось солнце. К великому сожалению поселенцев, лучи его не приносили столько тепла, как раньше. И морозный воздух ложился инеем на редких пучках растительности, не объеденной скотом.

Уровень воды опустился, тропы размякли, засасывая ноги рискнувших по ним пройти, глина налипала на сапоги толстым слоем, делая их неприподъемными. Путь к рабочим постам по-прежнему оставался непроходимым, что вызвало детский прилив радости капитана Фоли. Гномы, изголодавшиеся по работе, все силы бросили на обустройство холма и возведение частокола.

Спустя две недели нелегкого труда холм окружило кольцо стены из заостренных бревен, утопленных в грунт. Это был лишь первый этап возведенной обороны.

Постройка частокола вдохновила капитана Фоли. В его планах было дальнейшее возведение насыпи, образующей дополнительную стену, ее укрепление, и возведение отводной стрельницы на входе в крепость. Но после разговоров с Дэрианом пыл Фоли угас, и часть рабочих направили на заготовку дров на зиму, другие же отправились за сбором травы на корм скоту. Опасная близость волков делала выпас животных рискованным занятием, к тому же растительности, пригодной им в пищу, поблизости не осталось. Малая часть работников под руководством инженера и пристальным наблюдением капитана продолжила возведение барбикана на спуске с холма, чтобы замкнуть крепостную стену и окружить себя кольцом обороны. На небольших опушках в округе виднелись лишь пни. С каждым днем работники удалялись

все дальше в болота, но приносили все меньше дров и травы. К тому же дожди вперемешку со снегом начались с новой силой. Небольшая надежда была на людей, снабжающих поселенцев шкурами и мясом. Но вода скрыла тропы. И люди появлялись все реже. Наутро после одной из холодных ночей поздней осени поселенцы нашли пару свиней умершими от холода и сопровождающих его болезней. Стадо становилось все меньше, и для сохранения поголовья капитан отправился вместе с поселенцами и частью стражи на сбор травы. Но вернулись они практически ни с чем. Собранной за все время еды для скота с трудом хватило бы на пару месяцев, и то при условии сокращения рациона.

В надежде, что теплый загон поможет сохранить оставшихся животных, гномы начали работы по его возведению. Разобрав сарай, возведенный из бревен и досок, гномы выстроили каркас и засыпали дерном и грунтом домик для скота по примеру своего жилища, даже предусмотрев место для печи, чтобы протапливать помещение в особо холодный период. Словом, дом получился отменный. И, судя по довольному мычанию рогатых, им он тоже нравился. Теперь можно было не бояться нападения хищников. Массивная дверь с засовом была им не по зубам.

Проснувшись ночью, Гибби вышел из протопленного дома на улицу. Протерев сонные глаза, он ущипнул себя в надежде проснуться. Все тело ломило, будто его сбила вагонетка, груженная углем. Шея была зашита, будто рваные штаны. Гном с трудом мог вспомнить, что произошло. При попытке обратиться к памяти ощущалась ужасная головная боль. Картина, представшая перед ним, пугала. Гибби подумал, что уже мертв и оказался в другом мире. Присев на корточки, гном осторожно дотронулся до нежно-белого покрова земли. Холод обжег руку, он со страхом отдернул замерзшую мокрую ладонь. Собравшись с духом, раненый гном повторил попытку, решившись взять горсть покрова. В руке странная масса в одно мгновение превратилась в лужицу и стекла на землю, просочившись меж пальцев. Со скрипом дверь дома отворилась, и на пороге показался Албор.

– Чудное утро! – подметил лекарь, присев на корточки и взяв с земли в руку чудо, устилавшее весь двор.

Секунда – и белый шарик полетел в Гибби. Старец, словно ребенок, засмеялся.

– Ты, наверное, удивлен? Люди называют это снегом. Скоро он покроет землю и пролежит до весны. Поздравляю тебя!

– С чем? – задумавшись, не сразу спросил Гибби.

– С первым снегом, парень.

Лекарь вновь кинул комок в Гибби. А после схватил щит, стоящий у стены, прыгнул на эгиду верхом и заскользил вниз по склону на большом полированном щите, напевая какую-то песенку.

Проходящий мимо часовой обомлел. Таким он, наверное, еще не видел старого вояку. Проводя гнома взглядом, страж покрутил пальцем у виска и, махнув рукой вслед скользящему лекарю, побрел дальше.

Гибби вернулся в дом. Навстречу вышел Фоли, как обычно, встававший раньше других.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался капитан.

– Неважно. Но готов приступить к работе, – ответил Гибби.

– Ты что-нибудь помнишь?

– Не уверен, очень болит голова.

– Скажи спасибо Албору – он поднял тебя из мертвых.

Капитан прошел мимо, хлопнув дверью.

Снег пролежал недолго, к обеду белый покров сменила грязная мокрая жижа, липнущая к ботинкам и мешавшая работать.

Вечером крик часового заставил всех выйти на улицу.

Прибыл курьер из Подгорного царства, посещающий болота раз в пять дней, чтобы гномы не были оторваны от событий, происходящих на родине.

Судя по виду капитана, послание, переданное курьером, было нерадостным.

Фоли и Дэриан уединились в дальней комнате, громко спорили и долго что-то обсуждали.

После капитан зашел в общую залу, где воцарилась могильная тишина.

– Несколько десятилетий назад, – заговорил Фоли, – ваш покорный слуга и взвод храбрых воинов, среди которых был Албор...

Капитан кивнул в сторону седого старца, сидящего с кружкой эля на стуле поодаль. Санитар кивнул головой в ответ.

– Албор, я надеюсь, ты не дашь мне приукрасить историю и поправишь в нужное время, если память меня подведёт, – капитан улыбнулся. – Тогда я был сержантом. Командиром нашего взвода был легендарный гном, его имя я назову позже. Так вот, наш отряд был простым, мы входили в роту королевской гвардии, насчитывающую сто душ. Разделена она была на четыре взвода по двадцать пять гномов в каждом. Наш считался лучшим из лучших. Однажды Владыка решил посетить место силы, дабы попросить совета у самого Ауле. По преданию место располагалось почти у самого ядра, немногие знают о нем, а нынче оно и вовсе забыто. Мы вышли налегке. Поход должен был занять не более десяти дней. По тайным тропам и лабиринтам подземелий сотня лучших воинов во главе с королем пробралась в нижние залы. Два дня мы спускались в самые глубины, карраг их побери!

Вокруг гудела зловещая тишина. Ни перестуков, ни кобальдов, ни прочих мерзких отродий. И вот мы решили встать на привал, обрадовавшись успеху продвижения. Когда все уснули и только дозорные оставались на страже, на нас напали. Мы храбро бились, но столкнулись поистине с адскими созданиями, они будто чуяли присутствие короля и хотели покончить с ним и всеми нами заодно. Мы рубили неприятеля, горы трупов заполнили просторную пещеру. Куча мерзкого яда лилась горными ручьями нам на головы. Взрывы хитроумных зелий оглушали нас и отбрасывали в стороны. Щиты плавилась от пекла битвы и превращались в огрызки металла. Много наших полегло в тот черный день. Лучшие воины королевства. Лучшие гномьи сыны. Поток монстров угасал, мы стали думать о победе. И вот из тьмы преисподней поднялся демон и, разметав воинов, как траву ветер, пробрался к королю. Мощными ударами он откидывал в стороны гномьих бойцов, пока не вышел на правителя. Тот бился плечом к плечу с простыми воинами. Враг не мог даже оцарапать Владыку. В своем чудо-доспехе он не нуждался ни в сне, ни в отдыхе, его питали фуллмарины – редчайшие камни, заряженные магической энергией. Демонюга был настолько силен, что в долгой битве он ранил Правителя, откинув его на многие метры прочь. И в этот миг против демона вышел он, Брэджин Проворный – наш командир, лучший из лучших.

Капитан взял со стола стакан, наполнил хмельным напитком и, глотком осушив до дна, продолжил рассказ.

– Брэджин бился с проклятым монстром одним мечом. Щит расплавился от ударов боевого цепя, коим орудовало чудовище. Вскоре сломался и меч храброго воина, переломившись пополам. Отбиваясь всем, что подворачивалось под руку, ловко уклоняясь от смертельных ударов, Проворному удалось отойти в тоннель. Слава Ауле, монстр не смог туда пробраться, но его бесчисленное войско было не таких внушительных размеров, как хозяин. Твари толпой ринулись в узкий, как кишка свиньи, проход. Отходя, Брэджин поднял легендарный меч короля, коему магия была не страшна, ибо он пил ее, словно родниковую воду, наполняясь разрушительной мощью. Командир рубил мерзких тварей, пытающихся преследовать раненого Владыку. Одно из ядовитых отродий укусило командира за ногу, и, чтобы остановить инфекцию, он отрубил себе конечность. Брэджин один взял на себя полчища тьмы. Но демон не сдавался. Он молотил цепом, будто бур-машина скальную породу. Чувствуя, что мы можем погибнуть,

Брэджин приказал нам уходить, а сам завершил задумку демона: обрушил проход, дав нам время отступить, пока твари не нашли новую лазейку.

Албор бросился к королю и оказывал ему помощь. Он, я и еще трое оставшихся в живых гномов по приказу Брэджина вынесли раненого Владыку и три дня без остановки пробирались неведомыми тропами.

Вот этим мечом он сражался. Фоли поднял регалию вверх. Клинок эффектно блеснул переливами под тусклым светом очага – сиянием красного булата, секрет которого был утерян.

– Возможно, меч оставался единственным в своем роде. Я видел тогда Брэджина в последний раз... Он, не щадя себя, рубил тварей, чтобы мы могли спастись. И у него это получилось! Он жертвовал собой, чтобы мы могли жить! Светлая ему память!

Фоли налил два стакана и подал один Албору. Они молча встали и выпили вдвоем, повторив:

– Светлая память великому воину!

После Фоли подошел к Гибби и силой швырнул его на пол.

– Среди нас присутствует вор и шпион тех отродий, с которыми мы бились! – капитан указал рукой на Гибби. – Этот меч остался в той далекой пещере. И ушел вместе с героем. Я навел справки, – капитан достал смятую бумажку и бросил ее в лицо Гибби: – Вместе с донесениями и почтой гонец привез сообщение: Брэджин был признан героем посмертно. Слишком долго он числился без вести пропавшим. Его дочь получает пособия. Ни одна экспедиция его так и не нашла, да и не только его – они не смогли найти и место битвы. Так что погибшие друзья остались лежать там навеки. Брэджин сгинул. Исчез много лет назад. А теперь объявляется это оружие!..

Капитан в одно мгновение поднес меч к горлу Гибби.

– У тебя есть последнее слово перед смертью, грязный червяк!

Дэриан попытался вмешаться, но капитан перевел клинок на него и рявкнул:

– Только попробуй влезть, мерзкий торгаш! Будешь следующим!

Больше никто не смел возразить. Затянулась пауза.

Гибби еле слышным голосом попытался что-то сказать. Но в ответ получил удар сапогом в лицо от капитана. После Фоли за шиворот выволок Гибби из дома во двор и бросил в грязь.

– Свиные – грязная смерть! – проговорил капитан и нанес удар.

Сталь звякнула о сталь.

Это был Албор, ловко остановивший удар капитана своим мечом.

– Одумайся, Фоли! Парень не заслуживает такой смерти. Нужно разобраться в этом деле. Тобой правят месть и гнев, – спокойно проговорил санитар.

– С каких пор ты защищаешь предателей? – капитан сделал финт, парированный Албором.

Гномы застыли в недоумении.

– Не думаешь ли ты, что я буду с тобой драться? – крикнул Фоли Албору. – Ты же мой брат по войне.

Седой врач не убирал оружие:

– Я не дам убить парня. Если хочешь – валяй, но сначала тебе придется убить меня.

Фоли убрал меч в ножны и, издав негромкий крик, ушел в дом, хлопнув дверью с такой силой, что та слетела с петель.

Лекарь отвел Гибби в хлев и приставил к нему трех часовых, чтобы защитить парня и чтобы тот не сбежал, если и вправду виновен.

По пути Гибби благодарил Албора за спасенную во второй раз жизнь, но тот лишь проговорил:

– Я видел, как Брэджин лишился ноги, но продолжал драться. То, что я сделал, не для тебя. Он был нашим другом. Я лишь хочу разобраться в этой истории. И, если ты виноват, я лично отрублю тебе руки и ноги!

Ночь для Гибби выдалась бессонной. Часовые всю ночь проводили допрос с пристрастием, используя изошренные методы. Но Гибби повезло, что до пыток они не опустились. Парню нечего было добавить к сказанному, что очень злило воинов, занявших сторону капитана.

Наступило утро. Албор отправился поговорить с Фоли о вчерашнем инциденте.

Дверь в комнату была открыта, капитал сидел за столом и что-то писал.

– Входи, старина, – не глядя промолвил Фоли, как будто произошедшего вчера и не было вовсе. – Я слушаю тебя, ты ведь пришел не просто так, – не оборачиваясь, проговорил капитан.

– Я думаю, парня нужно отправить обратно в подземное царство.

– С чего бы это? Ведь он преступник.

– Фоли, он может говорить правду, к тому же только глупый преступник принесет с собой доказательство своей вины. Эта история запутанная, я понимаю, что тебе горестно за друга так же, как и мне. Но не лучше ли будет самим разобраться в этом?

– Хорошо, что я должен сделать? Я не могу покинуть это место, как и ты. Наши навыки нужны здесь. Я пишу письмо о потерях в гарнизон и прошу сообщить адрес дома, где живет дочь Брэджина. Может, там удастся что-то выяснить.

Тебе лучше меня известно, сколько будет идти письмо, сколько времени конторские крысы будут рыться в архивах в поисках адреса, да и будут ли вообще? А если они его и найдут, им нужно выделить гнома. Нет, слишком много звезд должно сойтись, чтобы твой план реализовался.

– Вот мой план, Фоли. Входи, парень!

На пороге показался перепачканный Гибби. Капитан бросил неодобрительный взгляд на старого друга, но промолчал.

– Гибби, расскажи капитану то, что говорил мне.

– Этот меч мне подарила девушка. С ней я познакомился в таверне, я правда не крал его, – запел испуганный гном.

– Что за вздор?! Какая еще таверна? – вскрикнул Фоли.

– «Сытый рудокоп». Я отмечал отъезд сюда. И познакомился с девушкой, ее зовут Мэл. Позже она пригласила меня домой. Ее отец не имел ноги и рассказал мне, что служил в королевской гвардии. Меч я не крал. Утром, когда Мэл провожала меня в поход, она отдала мне клинок, сказав, что отец хочет, чтобы я хранил его.

– В гоблинский разлом твою историю! – вскочив, закричал Фоли. – Албор, ты, видно, совсем одурел, раз веришь этому гаденышу! Как складно поет, мерзавец! Перережу-ка я ему глотку, – капитан взялся за нож.

– Прошу, Фоли, остынь.

– Даже если я тебе поверю. Мне нужны доказательства! – успокоившись, заговорил капитан.

– Я помню адрес, где они живут. Отправьте туда гнома. Он подтвердит мою историю, – взревел Гибби.

– Я так и сделаю, не сомневайся. Какой адрес?

– Третий горный переулочек, дом справа от резной колонны, с зеленым забором, – глядя в пол, промямлил гном.

– Поживешь пока в хлеву, за скотом требуется уход. Если все подтвердится, будем думать, что с тобой делать. Пошел вон, шенок! Не спускать с него глаз! – отдал приказ капитан стоявшему рядом стражнику.

Фоли вновь сел за стол и закончил донесение, записав указанный Гибби адрес.

- Албор, я надеюсь, змееныш говорит правду и наш друг и вправду жив.
- В любом случае мы это скоро узнаем, – сказал седой гном, похлопав Фоли по плечу.

Одинокий путник

В тот несчастный день, когда стало совершенно ясно, что с Мэлин дело неладно, старина Брэджин побледнел и затрясся в лихорадке. Горе одолело его, и он пребывал в совершенной нерешительности, стараясь убедить себя не поднимать шум. Считая за благо обождать недельку, а может быть, и месяц-другой, не выяснится ли чего, не объявится ли она сама и объяснит происходящее. Под влиянием сильного горя в действиях многих часто наблюдается склонность временить и откладывать вопреки здравому смыслу. Хочется просто лежать на боку, приумножая скорбь, боясь любого поступка. В доме справа от резной колонны по Третьему горному переулку царила гробовая тишина. Одинокий стук разверзся эхом по пещерному залу: тук-тук. Стук умолк. Снова «тук-тук-тук», но уже настойчивее.

Третий стук показался хозяину наглостью, которую он выдержать не смог.

– Какого черта ты колотишь в дверь?! Ясно же: не открывают – значит, никого нет дома.

Опухшее от пьянки рыло выглянуло из-за массивной двери.

– У меня послание для семьи тана Брэджина.

Все то же пьяное существо жадно отхлебнуло из початой бутылки мутную жидкость и, вмиг поперхнувшись, выплюнуло ее в сторону курьера.

– Ну-ка повтори, я не уловил мысли.

– Вы родственник Брэджина? – отойдя на несколько шагов от неприятной личности, промолвил курьер, но, не дождавшись ответа, вручил пьянице бумажку и поспешил удалиться.

– Ну и пошел вон! – прокричал вслед удаляющемуся курьеру пьяный старик и, захлопнув дверь, в один глоток опустошил бутылку крепкого пойла. Бросил письмо на грязный, засаленный стол. Собираясь достать следующую порцию алкоголя, Брэджин направился в чулан, но, поскользнувшись на пустой таре, хаотично разбросанной по полу, упал и, сильно ударившись головой о пол, отключился. Очнувшись от сильного запаха горелого, Брэджин увидел над собой плотную завесу дыма. Поняв, что дело неладно, старый вояка дополз до двери и с силой толкнул ее. Дым повалил на улицу, переполюшив соседей, решивших, что произошел пожар. Несколько жителей соседних домов прибежали и залили водой тлеющие тряпки, загоревшиеся от свечки, которую уронил хозяин дома при падении. Соседи вытащили убогого калеку на улицу и, облив холодной водой, чтобы привести его в чувство, оставили сидеть на пороге, отвесив массу отборных ругательств.

В этом положении Брэджин и просидел много часов, держась за голову. Одному Ауле известно, о чем думал старый гном. С трудом встав, старик вошел в дом и, подняв с пола колченогий стул, присел на него. Взгляд остановился на письме.

«Как оно сюда попало?» – подумал старик и, разорвав конверт, бегло прочитал несколько строк.

Брэджин почувствовал, как боль сжимает горло, дышать становилось все труднее, слезы давили на глаза, грозя пролиться горной рекой. Он не понимал природу нашедшего состояния. Но ему вдруг снова захотелось жить, обида и горечь перевернули душу. Встав со стула, Брэджин сжал письмо и бегло огляделся по сторонам, все еще смутно понимая, что должен сейчас делать.

Выйдя на улицу, старик несколько раз окунул голову в стоящую на заднем дворе бочку с ледяной водой. А позже погрузился в нее весь в надежде, что ледяная вода вернет трезвость тела и духа. После гном подошел к запывившемуся зеркалу, смахнул рукой паутину и, достав из шкафчика ножницы, принялся приводить в порядок бороду. Придав ей ухоженный вид и надев чистую одежду, Брэджин снял зеркало и оторвал несколько досок за ним. В образовавшейся нише гном нащупал дорожную торбу и вывалил содержимое на кухонный стол, предвзительно смахнув с него на пол все ненужное.

После Брэджин сел на стул и отсоединил ножной протез, взяв другой, выполняющий роль походного. Открыл отверстие в хитроумном приспособлении и спрятал в него небольшой самопал, присоединив протез на место. Развернув лежащую на столе карту, гном нашел маршрут, которым можно добраться до поселения капитана Фоли, и, свернув ее, положил в торбу вместе с остальным скарбом.

Подойдя к стойке с доспехами, Брэджин снял кирасу и, надев на себя, с трудом устоял на ногах. Попытавшись сделать пару шагов, старый воин понял, что отвык носить такие вещи, и, вернув нагрудник на место, начал выкидывать на пол содержимое шкафа, пока не нашел легкий кожаный доспех. Облачившись в него, Брэджин выполнил несколько движений и, поняв, что эта тяжесть ему под силу, затянул ремни. Затем снял со стены ножны с полторным мечом и, захватив рюкзак, отправился вниз по улице в сторону выхода из города.

Подойдя к соседскому дому, Брэджин с силой позвонил в колокольчик. На пороге показался лысый пузатый гном.

– Рудвин, у меня к тебе просьба: если увидишь мою дочь, скажи, что со мной все в порядке, пусть ждет меня дома.

– Черт возьми, я тебя не узнал, – проворчал лысый и усмехнулся, так что стали видны его кривые зубы: – Куда это ты намылился, не на войну ли?

– Может, и так! – Брэджин поспешил удалиться, вспоминая, сколько лет назад он шел куда-то, одержимый целью.

К утру следующего дня путник брел по пещере, ведущей к болотам. За годы безделья гном успел отвыкнуть от таких прогулок и, понимая, что в топях заночевать не удастся, а ночь страшна и полна опасностей, искал место, подходящее для ночлега. Вскоре немного поодаль от дороги ему приглянулся камень. Усевшись за него, Брэджин задремал. Сон то и дело нарушала бесконечная вереница рабочих, слоняющихся по пещерному тоннелю взад и вперед с телегами, груженными камнем и прочим хламом. Понимая, что больше поспать не удастся, Брэджин поравнялся с одной из групп рабочих и, чтобы не вызывать подозрения, последовал за ними. Спустя несколько часов пути влажный, затхлый воздух ударил в лицо, и вскоре взору гнома предстал большой деревянный щит с красовавшейся на нем надписью: «Эту дорогу для блага подгорных жителей возводит престол. Да откроются для вас новые горизонты».

Небо впереди стелилось свинцовыми тучами. Брэджин ступил на мощный булыжником тракт и, вдохнув полной грудью стылый воздух, на мгновение задумался, почему он раньше не отправился прочь из задымленных пещер.

Спустя десять километровых столбов взору путника предстал палаточный лагерь рабочих, а впереди виднелись болота. Сойдя с мощеного камня помоста, вояка ощутил всю прелесть гномьих технологий. Крайне тяжело было пробираться по зыбкой почве на одной ноге. Протез то и дело проваливался в зыбкий грунт. Гном не мог этого предусмотреть, но делать было нечего. Приходилось двигаться вперед, несмотря на все трудности.

Привал становился довольно частым. Волю старого воина было тяжело сломить. Он устал чувствовать себя калекой и устал жаловаться на жизнь. К тому же Брэджин считал, что судьба не дает таких сложностей, которые ты не в силах преодолеть. Спустя четыре дня пути гном отчетливо увидел впереди на холме дым. Дорожная разметка для рабочих указывала путь к Ньюфорту – новому городу на болотах.

Унылая дорога длилась до темноты. Болотные тропы вывели к невысокому обтесанному по краям холму, на макушке возвышался частокол, в некоторых местах из-за которого глазели арбалетчики. Путник обошел стену и уперся в строительные леса возводимых ворот. Сверху послышался голос:

– Стой! Кто идет?

Из-за стены вышли двое часовых.

Путник, не глядя наверх, проговорил:

– Передайте Фоли – к нему пожаловал Брэджин. Только пусть поторопится, если хочет застать меня живым.

– Вот так чудеса! Сначала я подумал, кто-то меня разыгрывает. А то и хуже – твой призрак ответил на мое письмо, – прокричал капитан, спускаясь по холму. Подойдя, он обнял друга.

– Видно, открытое пространство сделало тебя хлюпиком, – ухмыльнулся Брэджин.

– Ты, наверное, намучился в пути, пойдем скорее в дом.

– Да, отвык я от таких путешествий за годы безделья и пьянки. Я надеюсь, моя дочь у вас?

– А должна быть у нас? – испуганно спросил Фоли.

– Этого-то я и боялся, – грустно проговорил Брэджин.

– Скорее передвигай ногой, хотя, пока ты доковыляешь, я распоряжусь, чтобы накрыли стол. Думаю, нам есть что рассказать друг другу.

Капитан поспешил вперед.

Войдя в общий дом, Брэджин бросил рюкзак на пол и уселся за длинный стол.

– Я-то думал, Фоли, у тебя здесь хоромы, а ты в хлеву живешь. Люто! – рассмеялся гном.

– В тесноте да не в обиде, – пробормотал Фоли, поднимая бочонок с крепким пивом, выменянным у местных за добротный ремонт их скобяных изделий.

Спустя минуту дверь отворилась – и на пороге появился Албор с тарелкой вареного мяса.

– Я думал, ты сдох, старый плут, – засмеялся Брэджин, тяжело поднимаясь со скамейки.

– Ты тоже неважно выглядишь, – старик улынулся, обняв друга.

– Это потому что тебя не было рядом, глядишь, от твоих микстурок нога бы выросла.

А то проклятая деревяшка никак не хочет приживаться.

Друзья уселись за стол, опустошая в беседе кружку за кружкой.

– Брэджин, я чуть не забыл о главном, зачем тебя вызвал. Не хочется оставлять эту загадку до утра, – проговорил изрядно охмелевший Фоли.

Он встал и, шатаясь, побрел к сундуку, откуда вытащил объемный сверток. Вернувшись за стол, капитан развернул его и достал меч.

Брэджин взял клинок в руку и со словами: «Вот и снова ты у меня» – положил клинок на стол. Показав жестом, что друзья должны сесть поближе, он почти шепотом начал говорить:

– Вам известно, что было в той пещере. Я упустил этот момент, чтобы не тратить нашего времени. Я попал в плен. Еще пылающим от магии мечом я прижег свой обрубок. Видимо, это и спасло мне жизнь. Остановило кровь и не допустило заражения. Когда я очнулся, меня в сети волоком тащили по коридорам и бросили в одну кучу с убитыми. Видимо, твари подумали, что я мертв. В горе трупов я нашел еще несколько раненых. Но они были обречены. У меня не было средств их вылечить. Поначалу я поил их «Гномьим безумием» – это пойло поддерживало им жизнь, да и мне тоже. Спустя несколько недель осталось двое раненых, не считая меня и Орина. Нас можно было назвать здоровыми. Я – без ноги, а Орин лишился руки. Черт возьми, из нас двоих можно было собрать одного целого гнома! – Брэджин рассмеялся.

– Дальше нам пришлось добить Кариана. Он и так бы умер, а нам нужно было что-то есть.

Лицо Брэджина почернело. Скатилась скупая слеза.

– Он спас мне жизнь. Вечная ему память!..

Гномы встали, подняв кубки: «Вечная память герою!» – выпили до дна и сели на свои места.

– Мы решили проползти мимо десятка гоблинов, постоянно шныряющих вокруг горы трупов. Да и находиться в куче разлагающихся тел более было невыносимо. Стоял ужасный смрад. Больше там делать было нечего, спасти мы никого не могли. Оставалось спасать себя. Выждав, пока у прохода останется одна тварь, мы вдвоем набросились на гоблина и забили его.

После нам удалось уйти, Орин поддерживал меня. Мы шли сутки.

Но твари выследили нас и уволокли обратно, бросив в яму. Год они испытывали на нас разные зелья, заливая их сверху на головы. Иногда нам бросали еду и воду, чтобы мы не сдохли. Все эти годы я жил и питался падалью, крысами, собственным дерьмом, гневом и жаждой мести. Покуда были силы, мы с Орином тренировались в надежде выбраться и убить всех гнид. И вот в один день я проснулся и увидел, как Орин лежит на мне. Перевернув друга, я увидел, что вся его спина облезла до костей. Он спас мне жизнь, когда твари полили нас очередной гадостью. Он закрыл меня телом. Когда его не стало, твари все еще приносили пищу на двоих и бросали в яму, даже не заметив, что он умер. Тогда я понял, что нужно бежать. Больше ждать нечего. Все это время мы рыли подкоп. Он был готов. Я притворился мертвым, ужасно завопил, когда меня полили какой-то гадостью, после застонал и, изобразив конвульсию, закатил глаза, пролежав пару часов неподвижно. Гоблин прыгнул в яму, чтобы проверить меня. Вот этими руками я раздавил ему череп. А после, привалив собственным дерьмом в яме, выбрался через подкоп. У этой твари был меч короля. «Вот так везение! – подумал я. – Калека-гвардеец сбежит из плена с мечом короля и вернет ему клинок. Я брел по подземельям, прикончив еще несколько гоблинов. Сам не заметил, как на мою седую голову упала гоблинская сеть. Меня поймали как рыбу. Шли по моему следу и вновь схватили. Что было сил я пытался выбраться, пока меня волокли по полу. Но все было тщетно. Я предвкушал еще многие десятилетия жизни в проклятой яме. Но мои пленители решили на этот раз поразвлечься и бросили меня в логово к каррагу. Я попытался притвориться мертвым, вонь от меня исходила именно такая. Я таил надежду, что мерзкая огромная тварь не станет меня есть. Но не тут-то было! Гоблины стали злить каррага, стреляя в него из лука. Один из них бросил в яму меч. У меня появилась надежда умереть воином, с мечом в руке! Тварь напала. Из последних сил я старался увернуться от атак, но отсутствие одной ноги отняло мое проворное прозвище. Как пьяный, я шатался от каррага, опираясь на клинок. Вдруг меч засветился, придав мне энергии. Я почувствовал себя молодым, здоровым воином, толком не понимая, что происходит, я рубил мерзкое существо, ловко уходя от ударов. Делая выпад за выпадом, я проломил броню монстра на шее и вонзил меч по рукоять ему в глотку.

Силы как пришли, так и ушли. Огромный монстр упал, придавив меня всем весом. Гоблины не стали спускаться в яму, а просто развернулись и ушли.

Уж не знаю, подействовала ли моя битва так на них или они просто решили, что я сдох, раздавленный исполинским гадом.

Ауле и на этот раз был благосклонен ко мне. Долго я пилил мечом каррага, попутно обедая его мясом. Освободившись, я вылез из ямы и с трудом пополз по коридору. Видимо, в какой-то момент я потерял сознание.

Очнулся я, когда меня волокли. В тот момент я думал, как умереть. Но руки уже не слушались, нога тоже. С трудом я дотянулся до камня, мимо которого меня волокли, и стал бить им о череп в надежде, что умру. Я и так был на грани смерти, но зачем-то Ауле посылал мне жизнь. И я хватался за нее, не зная, чем она кончится. Придя в себя, я понял, что лежу на кровати. На кровати!

Одинокая слеза вновь скатилась по щеке Брэджина.

– Я не помнил, кто я и что делаю здесь. Десяток лет я провел в отдаленном шахтерском городке, где занимался разной работой в надежде вспомнить, что со мной произошло. Гномы, что нашли меня, разделили со мной хлеб и кров. Этот меч лежал под кроватью, а еще лежал этот сверток. Гном вывалил на стол содержимое. Здесь 93 жетона ушедших товарищей. Память частично вернулась ко мне, когда на поселение напали гоблины. Я понял, что умею драться, убив с десяток тварей.

Моих спасителей постигла смерть. И я ушел из городка. Я нашел свой дом. Ноги сами привели меня к нему. Моя жена была жива. Она ждала меня все эти годы. Не верила слухам, что я умер. Но сам я умер душой вместе с этими 93 воинами. Вскоре жена родила мне дочь.

Меч я повесил дома как память. А сам жил под чужим именем долгие годы, тайком пробираясь в собственный дом, как вор. На пенсию, которую платили жене за мое геройство. Оказывается, я стал героем посмертно.

Однажды я все же пытался попасть на прием к Владыке. Прихватив с собой меч, я хотел рассказать, что я жив, что все остальные мертвы, хотел просить помощи в экспедиции за останками братьев. Они не должны лежать в гоблинском разломе, их нужно похоронить со всеми почестями. Но мне отказали в приеме и деликатно дали понять, что гибель воинов засекречена и не может быть разглашена. Я числюсь мертвым героем, и им проще меня убить, чем оживлять! Меч мне разрешили оставить себе! И настоятельно рекомендовали больше не появляться в официальных учреждениях.

Так я и не вышел из тени. Я пил, пил и пил в надежде, что забуду все это дерьмо. И протрезвел я несколько дней назад, когда окончательно понял, что мою дочь похитили. И все из-за него.

Брэджин с силой швырнул меч о стену, распугав сидящих в углу гномов.

Фоли поднялся, положив руку на плечо Брэджину:

– Мы найдем ее! Не сомневайся! А сейчас ложись в мою кровать, тебе нужно отдохнуть.

Утром придумаем план!

Тайное общество

Рваные туманы низко стелились по болоту, тени лихо мелькали под покровом ночи, умело скрываясь в опустившемся облаке. Тусклые отблески факелов со стен скупно освещали прилегающую территорию.

– Магистр, калека в крепости. Сейчас самое время отобрать реликвию, пока обрубки спят и ничего не подозревают. Тут и часовых толком нет. А те, что есть, расхлябанные олухи. Я проберусь через забор, сняв арбалетчика.

Человек в балахоне указал рукой на участок стены.

– А там перебьем карлов. И реликвия наша.

– Я ценю твоё рвение, адепт. Затея слишком рискованна. Старик не подозревает, что за ним следят. Да и девка его у нас. Он сам отдаст нам меч, без боя. К тому же с одиноким калеккой справиться проще, чем с гарнизоном карлов. Сколько раз я тебя учил! Лучше переоценить силу врага, чем недооценить её

Дабы закрепить нравоучение магистра, по лбу адепта последовал удар.

– Лилипуты не такие уж слабые, как тебе кажется. Наберись терпения и продолжай наблюдать!

Дозор

– Неспокойная сегодня ночь, будто тени бродят по болотам. Видать, это духи погибших в этих местах.

– Что же ты, старый черт, все травешь байки про мертвых. Протри глаза! Так бы и сказал, что хочешь спать. Вали от бойницы, я встану. Хотя тебе еще полчаса дежурить, – гном бросил взгляд на лежащий в нише хронометр.

– Эх, молодежь... Никакого уважения к старику. Займи-ка мое место, а я подремлю, стар я для нарядов. Может, и впрямь зрение подводит.

– Давай-давай, шевелись, а то еще свалишься со стены – собирай тебя потом по частям.

– Кажется, дождь начинается, накрой меня шкурой, Бэрил, не в службу, а в дружбу.

– Шел бы ты уже на покой.

Молодой гном не глядя укрыл ветерана.

– Старый, вставай! Гляди – камни двигаются, – спустя несколько минут нервно прошептал дозорный.

– Ты что, бредишь? Со мной такое не пройдет, у меня еще минимум час, учти, я засек время.

– Да вставай же!

Щелчок спускового механизма арбалета вмиг прогнал сон опытного воина.

– Ты чего стреляешь? Сдурел совсем!

Подскочив к бойнице, ветеран рукой отодвинул новобранца.

– Говорю же: дождь пошел, тучи легли, чуть разогнало, а я смотрю – камень двигается. Он раньше дальше был. Молния сверкнула, а он перемещается, под светом я его и засек.

Вспышка разрезала небо. Грохот грома оглушил дозорных.

– Бери арбалет, давай сюда. Еще один камень ползет, – вскричал Бэрил.

– Ей-богу, ты спятил. Уж не пьян ли ты?

– Скорее, старый пёс!

Старик взял арбалет и пристроился к бойнице.

Бэрил достал хронометр:

– Смотри: большой камень на одиннадцать часов, маленький – на три с четвертью. Ждем. Следи за маленьким.

Прошла четверть часа, сквозь мрак ночи с трудом можно было что-то разглядеть, даже свет зажженных факелов не мог разогнать чернильный мрак. Вновь молния осветила болотную панораму.

– Глянь, а маленький камень исчез, – с детской радостью подметил пожилой гном. – Нужно доложить.

– Погоди, подумают – мы свихнулись. Давай как залп по большому камню! А потом доложим, проверим заодно.

Вмиг два арбалетных болта сорвались со стены и глухим щелчком, разрезав темноту, попали в цель.

– А вот теперь беги, доложи дежурному. А я понаблюдаю.

Старый гном перезарядил арбалет и устроился поудобней.

Бэрил соскользнул вниз по деревянной лестнице, и вскоре стук сапог разносился вдалеке, где-то у отводной стрельницы. Послышался крик, старик улыбнулся. Крик усилился, но ворота все же открылись, и четверо гномов, дежурный наряд ворот, с факелами и арбалетами наперевес побежали в сторону камня.

Гномы вышли на три часа. Но камень найти не смогли. Старик мысленно готовился получить нагоняй.

Гномы так же вчетвером, но уже расхлябанным строем возвратились обратно.

Бэрил вернулся на боевое место

– Тебя требует дежурный.

– Эх, молодежь, опять получать за тебя, – пробурчал гном и недовольно побрел в сторону ворот.

Дойдя до дежурного офицера, ветеран выпрямился, встав по стойке смирно:

– Разрешите доложить! За время моего дежурства происшествий не случилось.

– Как это не случилось, а у кого там камни двигаются?

– Я думаю, это души утонувших в этих местах, – шепотом произнес воин в надежде сгладить недоразумение.

– Что ты мямлишь? Доложи как положено! – вскрикнул дежурный.

– Я заметил, как камни под отблесками грозы передвигаются.

– Молодец! Объявляю благодарность!

– Как благодарность?

Физиономия гнома застыла в вопросе.

– Там кровь. Уж не знаю, душа это была или камень, но вы это подстрелили.

– Так надо же послать кого-то доложить капитану.

– В такой туман нет смысла выходить из гарнизона. Я утрою дозор, капитану доложим утром. К тому же он отдыхает после прибытия гостя.

Утро на болоте

Утро разбудило обитателей гарнизона. Фоли, как обычно, проснулся раньше других. Голова казалась чужой и плохо улавливала происходящее вокруг. Даже бочка с ледяной водой, в которую капитан окунул голову, не привела в чувство.

Фоли поднялся на барбакан, где дежурный поспешил доложить о произошедшем ночью, как и положено, получив нагоняй от капитана за то, что не стал его будить. После Фоли с несколькими воинами выдвинулся на место, где произошел инцидент. Лично убедившись, что следы крови не выдумка, капитан вернулся в крепость и по очереди расспросил часовых, записывая показания каждого на отдельном листе. Прочитав написанное, капитан попытался восстановить картину произошедшего.

Фоли не верилось, что кто-то решился бы напасть на их, пусть и убогую, но все же крепость с немногочисленным, но хорошо обученным и отменно вооруженным гарнизоном. Непонятен был мотив гостей. Но безопасность превыше всего! Фоли снарядил два поисковых отряда, встав во главе одного из них лично, и отправился прочесывать болота, скупно веря, что удастся найти хоть какие-то следы. Спустя несколько часов рысканья одному из воинов посчастливилось отыскать следы крови на земле и разбросанные окровавленные тряпки. Значит, противник знаком с медициной, и это не мог быть дикий зверь, пометил в блокноте капитан.

Воины аккуратно собрали находку в надежде, что Албор сможет определить, кто пользуется подобными приспособлениями, а может быть, удастся установить и принадлежность крови к определенной расе. После отряд отправился дальше. Но, как ни старались гномы, все следы терялись в болотах.

Невыполненный приказ

Отряд в десять человек поспешно удалялся от крепости.

– Идиоты! Паршивые овцы! – разорвался магистр. – Как вы могли ослушаться приказа?!

Но слова не доходили до цели.

На наспех сложенных носилках несли двух тяжелораненых адептов. Тяжелый гномий арбалет отличался высокой точностью и большой скоростью полета болта, так что мог пробить даже самую прочную броню и нанести цели смертельный удар увеличенным и зазубренным наконечником. Выжить после попадания такого снаряда было великой удачей. А вот умирать можно было долго и мучительно, страдая от внутреннего кровотечения.

– Мы с ранеными отходим, – проговорил магистр.

– Марен, вчетвером вы должны добыть этот меч. От него зависит успех и благополучие нашего ордена. Да пребудет с вами сила!

Болотный город

Поисковый отряд вернулся в болотный город к обеду.

– Старый черт, а я уж было потерял тебя, – обрадовался возвращению Фоли Брэджин.

– Пойдем скорее в дом, Брэджин. Совсем я проморозился, нужно принять чего-нибудь горячительного.

На столе уже стоял бочонок людского пойла, выменянный у местных на различное барахло.

– Брэджин, ты все еще уверенно держишься на своей ноге? Не разучился махать мечом?

– А что, старый плут, хочешь это проверить? Уж тебя-то побить сноровки достанет.

– Не сегодня. А вообще мне нужны здесь опытные воины, оставайся на постой. Город будет расширяться, одному мне не справиться. Будешь тренировать салага да за порядком следить. А я для тебя самое лучшее место подберу, и хибару тебе отстроим, уж поверь мне, получше, чем под горой. Да и воздух чистый, неужто ты хочешь всю жизнь дышать горным газом? Что скажешь, друг? – Фоли похлопал Брэджина по плечу.

– Видишь ли, Фоли, – Брэджин подсел ближе. – Пропала моя дочь. Я явился сюда найти хоть какую-то зацепку. Тот парень, что служит у тебя. Как там его... А впрочем, неважно. Он дружил с ней, и он последний, с кем я ее видел. Да и вообще, я мало что видел, кроме бутылки алкоголя, последнее время. Никогда себе этого не прощу! – взревел гном.

– Что же ты раньше молчал? Приведите мне этого мерзавца! Мы будем отрезать от него по куску мяса, пока не расскажет, куда дел твою дочь! – Фоли решительно встал, взявшись за рукоять меча.

Спустя некоторое время Гибби предстал пред Фоли и Брэджином в комнате капитана.

Фоли решительным ударом в сгиб ноги заставил Гибби встать на колени.

– Знаешь ли ты этого тана? – грозным голосом проговорил капитан.

– Я видел его несколько раз, – пробормотал Гибби.

– Значит, тебе должно быть известно, что у Брэджина пропала дочь, которую последний раз видели с тобой! Я буду задавать тебе вопросы. Не вздумай лгать, гоблинский отпрыск, иначе я медленно тебя четвертую! – для убедительности Фоли достал нож.

– Куда ты дел девушку и как у тебя оказался Хранитель Короны? – спросил капитан.

– Она передала мне меч, просив хранить его, сказала – это воля отца. А после ушла, больше я ее не видел. Я отправился сюда. Я клянусь всем, что у меня есть, уважаемый тан Брэджин, я никогда не причинил бы вреда вашей дочери! Новость о ее пропаже стала для меня большим горем.

– Вытри сопли, юнец! И поднимись с колен, что за жалкая картина! – бодрим голосом проговорил Брэджин. – Здесь для меня все ясно: нужно собираться в дорогу.

– Уберите гоблинскую прилипалу! – крикнул Фоли.

Двое стражников выволокли Гибби за дверь.

– Брэджин, объяснишь мне, что происходит? – решительно спросил Фоли. – Ты являешься спустя столько лет, а теперь так же внезапно собираешься уйти.

– Милый друг! Все происходящее с дочерью – моя вина. Только я один могу решить эту проблему. А этот слюнтяй ни на что не способен, – Брэджин показал рукой вслед Гибби.

– Но куда ты на ночь глядя?

– Нет времени ждать. Фоли, могу я просить тебя об одном одолжении?

– Конечно, все что угодно.

– Клинок я заберу с собой. – Из-под накидки эффектно блеснул эфес. – Никому ни слова, что ты видел этот меч и меня. Теперь я знаю, где вас найти. Думаю, мы ненадолго прощаемся. И не мучай парня, он говорит правду.

– Боюсь, с этим сложнее. Вряд ли теперь он сможет здесь так просто жить и работать. Его репутация изрядно подмочена. Забирай его с собой! Как ты собираешься нести все эти вещи? – Фоли уставил взгляд на рюкзак и торбу внушительного размера, стоящую на полу.

– Своя ноша не тянет, – Брэджин улыбнулся. – Хотя идея неплохая, попутчики мне ни к чему, но ногу я разгрузу, да и путь быстрее будет.

Спустя час пара гномов с факелом в руках пробиралась по бескрайним топям негостеприимного края.

Сделать дело или умереть

Группа людей, больше похожих на монахов, чем на воинов, бесшумно двигалась по болотам. Будто цепные псы, сектанты сквозь мрак ночи выслеживали жертву, благо им помогал огонек от факела, будто маяк, указывающий цель.

– Марен, сейчас самое время забрать нашу вещь.

– Пусть подальше отойдут от крепости. Шум может привлечь гномов. К тому же магистр сказал, что калека не так прост, как кажется. Следуем за ними, пока не представится удобный случай.

Странные путники

– Все, парень. Привал! – скомандовал Брэджин.

Ноги не привыкли к дальним переходам по такой почве. К тому же ночь не лучшее время для похода. Брэджин осмотрелся по сторонам и, убедившись, что они отошли от крепости на достаточное расстояние, сел. Прислонился спиной к большому камню.

– Собери дров, разожжем костер, что-то холодает.

Старый воин подышал на руки, потирая одну о другую.

Спустя полчаса костер горел. Гибби прилег на землю, положив под голову огромный рюкзак. Языки пламени с трудом разгоняли плотный сумрак. Глухим щелчком стукнула стрела, нашедшая цель в рюкзаке, в нескольких сантиметрах от головы Гибби.

Мимолетный взгляд Брэджина, брошенный в сторону Гибби, секунда – и стрела, мерзко скрежетнув сталью, расщепилась о камень, где сидел гном. Брэджин в мгновение ока накиннул укрывающую его шкуру на огонь, загасив пламя. Мрак окутал болото. Из-за камня показались силуэты. Брэджин выхватил меч и, не вставая, перерубил замешкавшемуся гостю ногу. Враг, не намеревающийся драться в темноте, не ожидал сопротивления. Второй силуэт почувствовал вкус стали, увидев окровавленный меч, торчащий из своего живота. Наступило затишье. Брэджин вновь прижался к камню, стараясь укрыться во мраке. Шкура, брошенная на раскаленные угли, начала плавиться и разгорелась, давая пламени вторую жизнь.

Брэджин едва успел крикнуть:

– Гибби, беги в гарнизон.

Перед костром показались два человека. Один, вмиг вскинув лук, выстрелил в сторону Гибби. Гном упал. Второй человек выхватил меч. Раздался металлический скрежет. Королевский меч разломил надвое клинок людской работы, и в следующее мгновение отсек голову человека. Вновь послышался свист стрелы. Враг выстрелил в ногу Брэджина, видимо, не желая даровать гному быструю смерть. Брэджин упал, выронив меч из рук.

– Молись своим богам, жалкий старик, – проговорил человек в капюшоне, с силой пнув Брэджина в живот, так что тот откатился.

Старый гном увидел лежащий в нескольких шагах меч. Попытался дотянуться до него, но вновь получил сильный удар ногой, на этот раз в лицо.

– Напрасно магистр держит твою девку. Я и так заберу принадлежащую нам реликвию. А потом проверю, каково это – спать с гномкой.

Человек направился к мечу.

Сплевывая кровь, Брэджин увидел лежащий рядом протез. С трудом дотянувшись, преодолевая боль, он взял его в руки, воспользовавшись моментом, пока человек поднимал Хранителя Короны.

– Вот так умора! Калека и умрет с протезом в руках, а не с мечом, как настоящий воин. Неужто ты собрался им отмахиваться?

Человек засмеялся, приближаясь, чтобы нанести роковой удар.

Хлопок – и кровь еще одного адепта оросила поляну.

– Слишком много ты говоришь, – пробормотал Брэджин, сжимая в руке пороховой пистоль, припрятанный в ставшей ему родной деревянной ноге.

Брэджин пришел в себя, морозящий дождик придал сил, свежие капли воды стекали по разбитому лицу гнома. Светало. Давно привычное чувство потери вдруг сдавило горло, гном попытался подняться, но, поздно поняв, что эта дурная затея, упал. Тело ныло и отказывалось подчиниться. Спустя несколько неудачных попыток встать Брэджин все-таки совладал с собой и, опершись на меч, привстал. Присоединив потрепанный протез, Брэджин вынул из него стрелу.

– Скудоумные людишки не могут отличить ногу от дерева, стреляют куда попало, – проговорил он и, используя меч как точку опоры, медленно побрел в сторону тела Гибби. Добравшись, Брэджин вытащил гнома на поляну и, осмотрев, рывком вытащил стрелу, пробившую руку Гибби, после чего тот заохал. Понюхав наконечник стрелы и убедившись, что она не отравлена, Брэджин отбросил ее в сторону и, обнажив рану Гибби, обильно полил ее содержимым фляжки. После смочил губы той же жидкостью. И что было сил принялся тормозить раненого. Спустя несколько минут, бросив эту затею, Брэджин взял с трупа адепта плащ и укрыл им Гибби. Вновь разведя костер, вояка прислонился к камню и закрыл глаза.

Брэджин проснулся, услышав шорох, и приподнялся, хватаясь за меч. К его удивлению, Гибби уже сидел у костра и разглядывал полученную рану. Брэджин молча присел рядом и, не говоря ни слова, накалил меч на огне и приложил к ране Гибби. Секунду спустя обожженный гном бегал по поляне, выкрикивая все ругательства, какие знал. Скоро боль отступила, и Гибби, успокоившись, присел обратно к костру.

– Прости, парень, если бы я тебя предупредил, было бы куда больнее, – нарушил воцарившуюся тишину Брэджин. – Раз уж ты пришел в себя, займись делом – обыщи трупы и все, что тебе покажется более-менее пригодным в быту, неси сюда.

Брэджин указал на место рядом с костром.

– А я чуть подремлю.

Гибби выполнил поручение, и вскоре у костра лежала пара походных рюкзаков, несколько мечей и два больших лука.

Проснувшись, Брэджин высыпал содержимое заплечных мешков на землю и внимательно стал рассматривать. Взгляд привлек конверт, в нем лежала свернутая в несколько раз записка.

Брэджин вынул ее и, развернув, прочел несколько строк, написанных на гномьем наречии: «Твоя дочь у нас, старик, если хочешь увидеть ее живой, отдай меч – и мы ее отпустим».

Брэджин отложил бумагу в сторону и вытряс содержимое конверта. Из него выпал небольшой медальон. С глаз воина упала слеза. Он поднял медальон, с минуту посмотрел на него и после убрал в нагрудный карман.

– Кажется, это письмо предназначалось мне, – грубым голосом проговорил Брэджин.

После встал, подошел к одному из трупов и снял у него с пальца золотой перстень. Повторил то же самое с остальными телами.

Не глядя на Гибби, Брэджин проворчал:

– Если я сказал собрать все – значит, должно быть все! Ты понял меня?

– Я еще не закончил, тан Брэджин, – проговорил Гибби.

– Наверное, это какая-то секта. У них одинаковые перстни. Думаю, они что-то означают. У этих трех выгравирован посох, а у четвертого кольцо побольше и, помимо посоха, выбит череп. Видимо, он был старшим. Да и одежда его отличается. И оружие подороже.

Брэджин поднял меч убитого адепта и бросил к ногам Гибби:

– Возьми этот меч, парень, он тебе пригодится. Надеюсь, сражаться у тебя получится лучше, чем убежать.

Лишь к вечеру следующего дня удалось оставить болота позади. Брэджин наконец-то чувствовал под собой твердую почву. У одного из сектантов при себе имелась походная карта, и, судя по ней, недалеко находился людской город – именно там Брэджин надеялся раздобыть хоть какую-то информацию о нападавших, обменять добытые трофеи и, если улыбнется удача, добыть средство передвижения.

В лесу атмосфера казалась более дружелюбной, нежели посреди болот. Брэджина не покидали дурные мысли, он не мог простить себе, что подверг дочь смертельной опасности, а сейчас единственными зацепками были странный перстень и записка в пару строк. Брэджин не имел понятия, откуда стоит начать поиски и где они закончатся, но чуть подсказывало, что необходимо двигаться в сторону людей. Оставалось лишь слепо довериться этому чувству.

После небольшого привала вояка погнал в путь обвешанного рюкзаками Гибби, который, будто добрый пони, молча и мужественно шагал вперед по песчаной дороге. Брэджин держался немного позади, то и дело костеря незнакомую пересеченную местность и людскую лень да вспоминая добрым словом качество гномьих дорог.

Впереди, вдалеке за косогором, поднималась пыль. Брэджин пригнулся и потянул Гибби, ретируясь в лес.

– Кажется, путники. Не думаю, что сейчас нам нужно с кем-то встречаться. Но на случай, если нас обнаружат, мы обычные торговцы, отставшие от каравана.

Брэджин скинул с пояса ножны и перемотал меч тряпкой. После достал из протеза самострел и спрятал за пазуху, с другой стороны от кинжала.

Бросив взгляд на Гибби, Брэджин смачно сплюнул.

– Проклятый песок сохранит наши следы. Если это дозор, мы вызовем подозрение. Возвращаемся обратно на дорогу. Это наш единственный шанс.

Вновь перед путниками запетляла колея и вышла в лес. Впереди, на небольшой поляне, на привал остановился отряд всадников. Брэджин подтолкнул Гибби, надеясь, что воины не обратят внимания на пеших путников.

Пройдя становище, сторонясь лесом, Брэджин выдохнул, но тут, на беду, показались двое воинов с охапками хвороста.

Поравнявшись с путниками, один из солдат, проводив путешественников взглядом, нерешительно окликнул гномов:

– Стой, кто идет?

Брэджин подтолкнул Гибби вперед.

– Эй, стой, кому говорят! – слышался голос второго воина.

Гномы не сбавили шаг. Брэджин поправил самострел. Воины, побросав хворост, догнали гномов. Солдат потянул за руку Брэджина.

– Ты что, старик, оглох? – прокричал дозорный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.